

О ВООРУЖЕННОЙ СИЛѢ И ЕЯ УСТРОЙСТВѢ.

«Когда въ войскѣ есть только одна любовь къ войнѣ, оно стоитъ еще на весьма низкой степени нравственности. Любовь къ войнѣ истекаетъ изъ корыстнаго, эгоистическаго чувства, затемняющаго собой нравственное понятіе о долгѣ».

ШАРНГОРСТЪ.

Никогда еще правительство наше съ такою любовью не стремилось на встрѣчу всѣмъ потребностямъ народа, и такъ вѣрно не угадывало путей къ ихъ достиженію, какъ въ настоящее время. Средства избранныя имъ для преобразованія нашей вооруженной силы въ особенности замѣчательны. Но, какъ уже не разъ бывало, правительство въ этомъ случаѣ стало далеко выше понятій массы: одни — недовѣряютъ новой организаціи силъ, новому направленію, другіе — скорбятъ о сокращеніи штатовъ. Ознакомить читателей съ разумными, истинными началами, на которыхъ происходятъ матеріальныя и нравственныя преобразованія въ войскахъ, не только нашихъ, но и вообще всѣхъ образованныхъ государствъ, вотъ цѣль предлагаемой статьи.

Статья эта служитъ также вступленіемъ къ изслѣдованію вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ Европы, которое имѣется въ виду печатать въ Военномъ Сборникѣ.

Человѣкъ грубый, необразованный, рѣдко удерживается отъ употребленія физической силы въ подкрѣпленіе своихъ неспра-

ведливыхъ доводовъ или требованій. Не имѣя понятія о достоинствѣ заключающемся въ личности человѣка, не питая ни малѣйшаго уваженія къ праву собственности, онъ съ покойною совѣстью поражаетъ то и другое. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ сознаетъ себя, воспринимаетъ идеи цивилизаціи, рука его поднимается рѣже; насиліе въ немъ производитъ отвращеніе и онъ пользуется своей физической силой лишь для отраженія ударовъ, противъ него самаго направляемыхъ.

Образованіе, перерождая отдѣльныхъ людей, необходимо должно перерождать и государства; правда, что если въ человѣкѣ переворотъ можетъ совершиться въ день, то для просвѣщенія цѣлаго народа нужны годы, иногда вѣка; но за то и жизнь народовъ мѣрится вѣками, а слѣдовательно и для нихъ можетъ настать время, когда, ради своего собственного достоинства, они будутъ уважать права другъ друга, и откажутся отъ употребленія насилія въ случайно возникающихъ недоразумѣніяхъ.

Европа находится на пути къ подобному сознанію; хотя отношенія между ея народами еще не могутъ назваться вполне установившимися, и въ вѣкѣ будущемъ можно точно такъ же ожидать войнъ, какъ въ вѣкѣ прошедшемъ, но все же, шагъ впередъ въ международныхъ отношеніяхъ сдѣланъ ею огромный, и стоитъ только приглядѣться къ событіямъ нашей эпохи, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Не тронемъ явленій общихъ, вкореняющихъ мирное расположеніе между народами: постоянно усиливающейся связи ихъ торговыхъ интересовъ, — ближайшаго личнаго знакомства одного съ другимъ, вслѣдствіе улучшенныхъ путей сообщеній, и наконецъ, — непрерывнаго обмѣна мыслей, поддерживаемаго общимъ стремленіемъ къ образованію, къ разработкѣ наукъ, — эти явленія бросаются каждому въ глаза; вѣтъ, остановимся на вопросахъ болѣе частныхъ, но немнѣе того, подтверждающихъ наше положеніе. Мы видимъ, на примѣръ, что Луи Наполеонъ, производя насильственный переворотъ 2-го декабря, не находитъ лучшаго средства примирить Европу и Францію съ новымъ порядкомъ дѣлъ, какъ провозглашая: «*Имперія, это миръ!*» Только надеждою мира и спокойствія, онъ приобретаетъ себѣ довѣріе націи и иностранныхъ державъ. Сдержалъ ли онъ слово, это другой вопросъ; намъ важно видѣть, какою идеею въ настоящее время можно лучше всего возбуждать сочувствіе народовъ. Другое явленіе, еще болѣе значительное, это обращеніе того же Наполеона къ обществен-

ному мнѣнію Европы, когда борьба крымская затянулась и результаты ея казались сомнительными. Рѣчь, сказанная имъ на парижской выставкѣ представителямъ промышленности всѣхъ державъ, лучше всего опредѣляетъ современное настроеніе европейскаго общества: «Въ эпоху цивилизации, въ которую мы живемъ, успѣхи оружія, какъ бы ни были блистательны, проходятъ скоро, и конецъ концовъ всегда тотъ, что послѣднюю побѣду одерживаетъ общественное мнѣніе». Что общественное мнѣніе имѣетъ громадную силу, доказательствомъ тому служилъ самое окончаніе войны. Мы прекратили ее далеко не побѣжденные, находясь еще въ полной своей силѣ, и обнаруживъ передъ лицомъ Европы такія нравственныя и матеріальныя средства, которымъ трудно было не отдать должной справедливости. Но общественное мнѣніе ставитъ миръ выше всего, и потому, не желая лишаться ни Европы, ни себя этихъ благодѣяній мира, мы уступили рѣшеніямъ конгресса, съ полнымъ убѣжденіемъ заявивъ державамъ, какъ мы чужды стремленій къ завоеваніямъ, преобладанію, или къ какому либо насилію. И конечно, нельзя сказать, чтобъ это было шагомъ назадъ въ нашемъ развитіи, — напротивъ, это лучшій и истинный шагъ къ прогрессу. Сознаніе, что миръ есть благо, истекаетъ изъ потребности развитія, усовершенствованія, а потребность развитія есть уже начало самаго развитія.

И развѣ отказаться отъ завоевательныхъ намѣреній, еслибъ они и были, составляетъ какое либо пожертвованіе? Развѣ благоденствіе государства заключается только въ территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ? Конечно нѣтъ; лишь только территорія какого либо народа достигла извѣстныхъ границъ, обеспечивающихъ безпрепятственное внутреннее его развитіе, дальнѣйшія территоріальныя приобрѣтенія легко могутъ быть ему въ ущербъ; на завоеванныя страны государство должно будетъ расходовать средства своего собственнаго народа, и никогда не достигнетъ тѣхъ выгодъ, которыя могли бы искупить всѣ принесенныя жертвованія. Исключенія здѣсь бываютъ очень рѣдки. Возьмемъ, на примѣръ, Алжирію, приобрѣтенную для выселенія туда избытка французскаго населенія. Сколько она стоила денегъ Франціи! — и на содержаніе всякаго колониста, туда переселяемаго (8,000 фр.), развѣ нельзя было бы прокормить не только одного, но даже пять, шесть рабочихъ въ самой Франціи? А увеличило ли это ея благосостояніе? Къ чему ведутъ и многія изъ англійскихъ

пріобрѣтеній, отягощающія только финансы содержаніемъ губернаторовъ, управленій и гарнизоновъ? Если вообще завоеванія бываютъ часто безполезны, то въ Европѣ они дѣлаются совершенно невозможными. Какъ начала политическаго равновѣсія, такъ и чувство справедливости, заставили европейскія государства отказаться отъ идеи подчинять себѣ другъ друга. Каждому народу дорога его независимость, и если она не обращается во вредъ другимъ, справедливо ли посягать на право народа пользоваться выработанною имъ жизнію? — Конечно нѣтъ, и мы должны радоваться, что идея справедливости дѣлается постепенно руководящею мыслью нашего вѣка. *«Время завоеваній прошло»* говоритъ Луи Наполеонъ при объявленіи войны; *«Россия далека отъ всякихъ попытокъ къ завоеваніямъ»*, говорятъ всѣ наши циркуляры; — вотъ лучшія доказательства успѣховъ новѣйшаго европейскаго общества въ международныхъ отношеніяхъ. Если въ дѣйствительности, и то за чертой этого общества, мы еще встрѣчаемъ отступленія отъ провозглашаемаго принципа, то несомнѣнно однако, что идея истинная, разъ озаривши человѣчество, медленно, но неминусемо имъ воспріимается, дѣлаясь одною изъ основъ его жизни; а слѣдовательно и отступленія отъ нея будутъ все рѣже и рѣже.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что миръ, покровительствующій труду и развитію довольства между народами, становится нормальнымъ положеніемъ нашего общества, война же напротивъ, подобно болѣзни, производитъ въ немъ сильнѣйшія страданія, отъ которыхъ оно стремится сколько можно скорѣй освободиться. На сколько поднялось матеріальное благосостояніе нашего общества, сравнительно съ вѣкомъ прошедшимъ, на столько сдѣлался дороже ему и миръ, дающій средство пользоваться этимъ благосостояніемъ. Въ вѣкѣ будущемъ имъ будутъ дорожить еще болѣе. Мы видимъ также, что одна изъ главныхъ причинъ нарушенія мира, именно стремленіе къ завоеваніямъ, устранена современнымъ обществомъ, ибо европейскія государства взаимно гарантируютъ свою цѣлость и самостоятельность; слѣдовательно столкновенія, какія могли бы произойти между ними, не подавая никому надежды на территоріальныя вознагражденія, вѣроятно еще рѣже будутъ вести къ разрыву, чѣмъ донынѣ.

Но ежели причинъ и желаній къ столкновеніямъ теперь меньше, значитъ и вооруженной силѣ меньше прійдется участвовать

въ международныхъ отношеніяхъ. А чѣмъ какая сила менѣе употребляется, тѣмъ и вліяніе ея дѣлается слабѣе; а слѣдовательно и политическое значеніе государства не можетъ быть нынѣ поддерживаемо военною силою въ той мѣрѣ, какъ то было прежде, а исключительно *военное* могущество государства становится въ Европѣ аномаліею.

Коль скоро же, по духу жизни и направленію современнаго общества, военныя силы не могутъ служить главною основою политическаго могущества государства, то очевидно, что оно должно искать другой опоры для поддержанія своего значенія. Опору эту найти не трудно. Военная сила ослабѣваетъ въ своемъ вліяніи потому, что случаи употребленія ея становятся рѣдки; естественно, значить, что вліяніе ея утрачиваемое должно переходить къ другимъ силамъ, которыми государства могли бы постоянно дѣйствовать одно на другое, именно промышленнымъ, торговымъ, финансовымъ и умственнымъ. Слѣдовательно политическое достоинство государства должно быть главнымъ образомъ основываемо не на арміяхъ и флотахъ, а на совокупности всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ государства, источникомъ которыхъ служить народъ. Дѣйствительно, вооруженныя силы могутъ только отчасти способствовать политическому могуществу государства, и безъ поддержки въ средствахъ народа не въ состояніи создать ничего великаго и прочнаго (*). Зависимость первыхъ отъ послѣдняго такъ велика, что всѣ усилія идти ей наперекоръ, всѣ старанія возвысить государство многочисленными арміями и флотами не только должны остаться нынѣ безуспѣшными, но могутъ обратиться даже во вредъ ему. Когда государства сталкиваются, — борьба между ними въ сущности рѣшается не столько войскомъ, сколько относительной силой самихъ націй. Не въ казармахъ скрывается сила, говоритъ Пексантъ, исторія лучше всего свидѣтельствуетъ, гдѣ искать ее. Въ 1792 году съ одной стороны были французскіе волонтеры, собравшіеся подъ знамена прямо со школьныхъ скамей или отъ сохи, съ другой, соединенныя арміи Европы: но на чьей сторонѣ осталась сила? Въ 1810 году Испанія остается безъ войскъ; ее защищаютъ составленные на скорую руку дружины поселянъ и монаховъ; съ другой стороны являются арміи Наполеона, гене-

(*) Давно ли Турція была грозой для Европы, теперь же только одна политика спасаетъ это государство.

ралы Наполеона и самъ Наполеонъ: на но чьей стороне осталась сила? Въ 1812 году сотни тысячъ войскъ приходятъ въ Россію, ихъ встрѣчаютъ втрое меньшія арміи: тогда осталась сила? Нѣтъ, значитъ, возможности отвергнуть, что главная сила государства лежитъ въ народѣ; что возможно съ народомъ, того далеко нельзя достигнуть съ однимъ войскомъ; и отнынѣ тѣ правила будутъ сильны, которыя тѣсно связаны съ народомъ, умѣютъ развивать внутреннія его средства и на нихъ создаютъ величіе страны (*).

Опредѣливъ, что первымъ элементомъ могущества государства служить самый народъ, и поставивъ арміи и флоты на второстепенное мѣсто, мы поступимъ совершенно правильно, принявъ ихъ не болѣе, какъ за *проводники*, подобные электрическимъ, которыми въ извѣстныхъ случаяхъ обнаруживается его сила. Они могутъ быть велики или малы, но ударъ ими проводимый всегда будетъ зависеть отъ самой батареи, сосредоточивающей силу, и должно только заботиться, чтобы эти проводники находились всегда въ исправности и въ соразмѣрности съ силой. Англія въ послѣднюю войну имѣла весьма плохой проводникъ своего могущества; армія ея въ Крыму утратила свою славу; но ослабило ли это существенно дѣйствіе батареи, и англійскій уполномоченный понизилъ ли свой голосъ на конгрессѣ? Нисколько. Англія по прежнему была требовательна, и если уступала въ чемъ, то именно на столько, на сколько дѣйствіе батареи ослабилось неисправностью проводника.

Какъ струя фонтана, по естественному закону равновѣсія, никогда не бьетъ выше уровня воды въ резервуарѣ, такъ и могущество государства, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, не можетъ быть поддерживаемо арміею выше уровня, представляемаго развитіемъ внутреннихъ силъ народа. Отступленія отъ этого закона могутъ быть только временныя, да и то они не остаются безвредными для государства; напротивъ, коль скоро равновѣсіе нарушено, постоянное поглощеніе арміею большей части средствъ народа ослабляетъ въ извѣстной степени внутреннее его развитіе и точитъ существенныя основанія его могущества. Вотъ почему, признавая вооруженную силу однимъ изъ средствъ, которыми выражается политическое значеніе госу-

(*) Мысль Пексана. См. *Force et faiblesse militaires de la France*. Ch. IV.

дарства, мы считаемъ однако необходимымъ опредѣлить условія, при которыхъ она могла бы существовать не только безъ ущерба для благосостоянія государства, но напротивъ ему содѣйствуя.

Вникнемъ же въ условія, которыя требуются отъ каждой военной системы.

Армія содержится не для завоевательныхъ цѣлей, а для *обезпеченія внутренней и внѣшней безопасности государства*. Вотъ высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное назначеніе войска. Обезпеченіе безопасности страны, составляя цѣль существованія, арміи и флота, есть также и первое условіе, опредѣляющее размѣры вооруженныхъ силъ государства. Оно требуетъ двоякаго рода жертвованій: личныхъ и вещественныхъ; слѣдовательно *второе условіе*, ограничивающее количество вооруженныхъ силъ, есть *соразмѣрность ихъ съ населеніемъ*, а *третье*, — *соразмѣрность съ матеріальными способами государства*. Но количество находится всегда въ непосредственной связи съ качествомъ; чѣмъ второе лучше, тѣмъ первое можетъ быть меньше, слѣдовательно *четвертое условіе*, требуемое отъ военной системы, заключается въ *хорошемъ составѣ арміи, въ тщательномъ образованіи войскъ и въ сообразной съ требованіями военнаго искусства организаціи вооруженныхъ силъ*. Первые три условія связаны съ началами политическо-экономическими, послѣднее же заключаетъ въ себѣ чисто военные требованія. Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій особо.

I. ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНѢШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Чѣмъ выше стоитъ народъ въ умственномъ образованіи, чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ онъ привычку уважать законы своей страны, подчиняться добровольно своимъ постановленіямъ, дорожить порядкомъ и спокойствіемъ, дающими ему средства къ мирному труду, тѣмъ менѣе ему нужно присутствіе военной силы. Въ Англіи, напримѣръ, однимъ именемъ закона укрощаются порывы цѣлыхъ массъ народа; нѣсколькихъ человѣкъ полисменовъ въ Лондонѣ достаточно, чтобъ остановить многлюднѣйшія движенія. При такомъ сознаніи закона, вооруженная сила, какъ обезпеченіе внутренняго спокойствія государства, имѣетъ лишь весьма неважное значеніе. Но въ этомъ отношеніи Англія едва ли не единственная страна въ Европѣ. Испа-

нія, Франція, Італія, Россія, Турція и даже многія изъ государствъ Германіи, стоятъ еще далеко позади ея или въ своемъ законодательствѣ, или въ своихъ понятіяхъ о силѣ закона. Франція достаточно образована, но сами Французы сознаются, что при пылкости и воинственности ихъ населенія, готового въ каждомъ спорѣ взяться за оружіе, только одна армія можетъ гарантировать внутреннее спокойствіе страны. Положеніе Россіи въ этомъ отношеніи тоже неустановилось.

Кромѣ степени нравственнаго и умственнаго развитія народа, потребность военной силы внутри государства часто вызывается неоднородностью политическаго его состава. У насъ на примѣръ, части земель на Кавказѣ, населенныя такъ называемыми мирными, покорными горцами, и нѣкоторыя другія области требуютъ болѣе войскъ, чѣмъ губерніи собственно русскія. Въ Австріи, земли венгерскія, польскія и итальянскія берутъ болѣе войскъ, чѣмъ нѣмецкія и славянскія. Наконецъ и образованнѣйшая страна Европы, Великобританія, чувствуетъ также этотъ недостатокъ, и въ Ирландіи содержитъ пропорціонально болѣе войскъ, чѣмъ въ собственной Англіи.

Кромѣ приведенныхъ условій, на количество войскъ можетъ имѣть также вліяніе степень личнаго довѣрія между правительствомъ и народомъ государства. Лѣтописи русскаго народа, благодаря Бога, не замараны осадными подожженіями подобными вѣнскимъ, неаполитанскимъ, римскимъ и парижскимъ; но Франція, не въ примѣръ прочимъ, ужь слишкомъ часто имъ подвергается и, въ настоящее время, ея правительство сочло нужнымъ всю страну подчинить военному управленію. Вообще говоря, гдѣ власть исполнительная отдѣлена отъ законодательной, тамъ армія можетъ подвергаться непрерывнымъ измѣненіямъ. То она увеличивается, то уменьшается, смотря по степени взаимнаго довѣрія, или правильнѣе, недовѣрія между этими двумя началами, имѣющими тысячу причинъ къ столкновенію. Беретъ перевѣсъ исполнительная власть, — армія растетъ выше мѣры; беретъ перевѣсъ законодательная власть, — она ее можетъ уменьшить до нельзя. Какъ Франція служитъ примѣромъ для перваго, такъ Англія можетъ служить для втораго; послѣ смутъ XVII столѣтія она уменьшила, на примѣръ, свою армію до 16,000 человекъ.

Если для внутренней безопасности количество силъ опредѣляется степенью народнаго образованія, однородностью госу-

дарства и взаимнымъ довѣріемъ между правительствомъ и народомъ, то для внѣшней,—оно опредѣляется обширностью и положеніемъ территоріи и довѣріемъ, которымъ пользуется государство отъ прочихъ державъ.

Изъ всѣхъ государствъ Европы, только одна Англія обезпечена отъ опасности внезапнаго вторженія непріятеля въ ея предѣлы. Изолированное положеніе Британскихъ острововъ составляетъ огромную выгоду, сберегающую имъ ежегодно нѣсколько десятковъ милліоновъ.

Вторженіе въ Англію требуетъ огромныхъ приготовленій, требуетъ времени, совершенно достаточнаго, чтобы она успѣла приготовиться къ оборонѣ; постоянное напряженіе военныхъ силъ ей не нужно, значитъ, нѣтъ надобности ей и въ большой постоянной арміи. Даже и военный флотъ ея, на которомъ преимущественно лежитъ обезпеченіе внѣшней безопасности, могъ бы быть значительно уменьшенъ, еслибъ Англія воздержалась въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ (*). Другой тоже выгодный примѣръ обезпеченности территоріи отъ внезапныхъ нападений представляетъ Швеція, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ Англія. Единственный, постоянно открытый доступъ въ ея предѣлы лежитъ черезъ Торнео, на отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ трудно предположить сосредоточеніе значительныхъ силъ непріятеля. Если же зимой доступовъ къ ней открывается и болѣе, именно черезъ острова Кваркенскіе, Аландскіе и Зеландію, то все же эти пути, по льду, держатся не долго, и въ случаѣ сильныхъ непогодъ не представляютъ ничего вѣрнаго. Противоположный примѣръ Англіи и Швеціи представляетъ Пруссія. Ни одно государство не имѣетъ такого огромнаго числа сосѣдей, какъ Пруссія; притомъ, трое изъ нихъ (Франція, Австрія, Россія) принадлежатъ къ сильнѣйшимъ державамъ Европы; у каждого сосѣда можетъ быть свое политическое направленіе, свой взглядъ на возникающіе вопросы; Пруссіи приходится встрѣчаться съ эги-

(*) Мы здѣсь ограничиваемся только европейскою территоріею Англіи; если же взять всю массу ея владѣній, то разбросанное ихъ положеніе весьма невыгодно въ отношеніи обезпеченія ихъ внѣшней безопасности. Англія не можетъ рассчитывать одними и тѣми же войсками защищать ту или другую часть своихъ владѣній, она только весьма незначительно можетъ ослаблять войска въ одной колоніи, чтобы усилить ихъ въ другой, и во всякомъ случаѣ это сосредоточеніе войскъ потребуетъ много времени.

ми противоположными направленіями и взглядами, и если ея собственное мнѣніе расходится съ ними, то естественно, что оно можетъ вести къ столкновенію; а слѣдовательно и безопасность ея имѣетъ гораздо болѣе вѣроятностей быть нарушенной, чѣмъ какого либо другого государства. Подобное политическое положеніе Пруссіи необходимо должно отражаться на размѣрахъ ея вооруженныхъ силъ, и если мы прибавимъ къ этому раздѣльность ея владѣній, то найдемъ, что ни одно европейское государство не требуетъ такого напряженія силъ, для огражденія себя извнѣ, какъ Пруссія. Въ Россіи, на количество войскъ имѣетъ вліяніе не столько политическое положеніе территоріи, сколько ея обширность. Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское моря, составляющія ея естественныя границы, отъ которыхъ нѣтъ возможности отступить, самой природой опредѣлили ей площадь въ 100,000 квадратныхъ миль, которую приходится защищать всего съ 60 милліонами населенія. Выгодное, когда непріятель увлекается во внутрь страны и таетъ вдали отъ своихъ способовъ,—это обширное пространство тяготѣетъ надъ государствомъ въ случаѣ необходимости оборонять его по всему протяженію границы, доступной непріятельскимъ арміямъ и флотамъ. Передвигать непрерывно войска на тысячи верстъ съ одного края государства на другой,—невозможно; присутствіе войскъ необходимо одновременно вездѣ, и слѣдовательно, еслибъ непріятель тѣснилъ какую либо ихъ часть, хотя бы другая стояла на границѣ ничего не дѣлая, ее тронуть нельзя, а для поддержанія тѣснимыхъ войскъ приходится имѣть особые сильные резервы. Вотъ невыгоды нашего территоріальнаго положенія, имѣющія вліяніе на размѣры вооруженныхъ силъ, и заставляющія насъ содержать два, а можетъ быть и три лишнихъ корпуса. Невыгода эта, вѣроятно, уменьшится съ улучшеніемъ путей сообщеній и въ особенности съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ.

Какое вліяніе на размѣры вооруженныхъ силъ имѣетъ степень довѣрія, которою пользуется государство отъ сосѣднихъ державъ—опредѣлить трудно; но, конечно, никто не усомнится въ дѣйствительности этого вліянія. Однимъ изъ подтвержденій тому можетъ служить Франція. Послѣдніе перевороты, въ ней происходившіе, сейчасъ же отражались, на ея сосѣдяхъ и на ней самой, увеличеніемъ войскъ: переворотъ 1848 года, въ пользу республики, отразился на Германіи; правительственныя же перемѣны 1849 и 1852 года, въ пользу президентства и император-

ства Луи Наполеона, дѣйствовали на Великобританію. Не пускаясь въ дальнѣйшія подробности, мы здѣсь замѣтимъ только, что содержаніе большихъ постоянныхъ армій значительно вредитъ довѣрію между государствами и слѣдовательно побуждаетъ ихъ еще болѣе увеличивать свои вооруженныя силы. Знаменитое изрѣченіе Августа *Si vis pacem, para bellum* (*),—чистѣйшій софизмъ, если подъ нимъ разумѣть правило содержать постоянно многочисленныя войска. Нѣтъ, готовность къ войнѣ заключается не въ большомъ числѣ войскъ, а въ ихъ хорошемъ составѣ, обученіи, снаряженіи и въ матеріальныхъ средствахъ, припасенныхъ на случай непріязненныхъ дѣйствій. Большія же арміи, напротивъ, привлекаютъ войну. Вотъ что говоритъ Сэ по этому поводу: «Англія не пускалась бы во всѣ европейскія интриги, еслибъ не имѣла многочисленныхъ флотовъ, которые можетъ разсылать по всѣмъ направленіямъ. Еслибъ Людовикъ XIV не имѣлъ такихъ большихъ военныхъ силъ, онъ не былъ бы столь гордъ съ другими народами и укротилъ бы свое желаніе заставлять всѣхъ и все подчиняться своей волѣ,—желаніе порадившее всѣ его войны. И Наполеонъ, не будь у него лучшихъ въ свѣтѣ по храбрости и устройству армій, вѣроятно ограничилъ бы свое самолюбіе заботами о внутреннемъ развитіи страны, и былъ бы въ тысячу разъ счастливѣе самъ, какъ была бы счастливѣе и Франція». Существованіе большихъ армій ведетъ къ войнѣ, а самая война непременно кончается горькимъ возмездіемъ для тѣхъ, кто ее вызвалъ. «Послы Людовика XIV на гертрёйденбергскомъ конгрессѣ должны были выслушивать рѣшеніе судьбы своего властелина, не удостоившись, чтобъ и малѣйшее ихъ замѣчаніе было уважено. Англія въ борьбѣ съ колоніями должна была признать независимость Штатовъ, а позднѣе, только выгодою своего географическаго положенія спаслась отъ вторженія. Наполеонъ же, съ своими превосходными арміями, былъ униженъ болѣе, чѣмъ кто либо. Вездѣ арміи тѣмъ вѣрнѣе притягивали войну и все зло съ ней сопряженное, чѣмъ онѣ были страшнѣе. Изъ нихъ не было ни одной, которая предохранила бы свою страну отъ вторженія» (**).

(*) Если хочешь жить въ мирѣ, будь готовъ къ войнѣ.

(**) I B. Say. Cours complet, 1840, стр. 283—284, и Dictionnaire de l'économie politique. T. I, Armées permanentes.

II. СОРАЗМѢРНОСТЬ ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛЪ СЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ.

Мы надѣемся указать въ послѣдствіи (въ отдѣльныхъ обзорахъ), дѣйствительную степень соразмѣрности вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ съ ихъ населеніемъ; здѣсь же мы объяснимъ только, какъ важна эта соразмѣрность, выражающая собой, на сколько вообще военная повинность можетъ тяготѣть надъ населеніемъ какой-либо страны.

Что эта повинность составляетъ тягость, доказательствомъ тому служатъ постоянныя старанія всѣхъ правительствъ сколько возможно облегчить ее. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать дѣломъ легкимъ, чтобъ человѣкъ въ цвѣтѣ силъ отказался отъ семьи, отъ труда, которымъ могъ бы улучшить свое положеніе, и вступилъ подъ знамена съ рѣшимостью пожертвовать своею жизнью?

Такъ какъ цѣль этой повинности заключается въ обезпеченіи безопасности государства, то ясно, что справедливость требуетъ распредѣлить эту повинность по возможности равномѣрно на всѣхъ его членовъ, одинаково нуждающихся въ этой безопасности. Военныя касты (*) существовавшія въ древности, да и теперь еще существующія въ Индіи и въ Китаѣ, не могутъ имѣть мѣста въ государствѣ благоустроенномъ. Онѣ могутъ держаться только до-тѣхъ-поръ, пока военное сословіе составляетъ общество особое, привилегированное, образовавшееся и поддерживаемое преимущественно только желаніями богатой добычи, почета и власти. Государству же, получающему правильное военное устройство, не можетъ быть ничего опаснѣе, какъ привилегированное военное сословіе,—стоитъ только припомнить стрѣльцовъ, янычаръ и мамелюковъ. Мало того, что государство, сглаживающее разныя привилегіи, часто встрѣчаетъ въ подобныхъ людяхъ вооруженное сопротивленіе, препятствующее самымъ полезнымъ преобразованіямъ; они вредны еще тѣмъ, что отучаютъ населеніе отъ обязанности защищать себя, дѣлаютъ его слабымъ и неспособныхъ къ энергическому сопротивленію. Вотъ слова извѣстнаго юриста и историка Роттека: «Народъ, который предоставляетъ защиту своей независимости особому наслѣдствен-

(*) То-есть сословія, въ которыхъ военное ремесло есть *наслѣдственное* и является болѣе *правомъ*, чѣмъ *обязанностью*.

ному классу, становится малодушнымъ и неспособнымъ противустоять самымъ несправедливымъ нападеніямъ и притѣсненіямъ.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что военныя касты невозможны, и что вооруженная сила должна возникать изъ среды всего населенія страны. Посмотримъ теперь, какія соображенія представляются каждому государству, при образованіи военной силы на этомъ условіи.

Для войска государство должно пожертвовать людьми молодыми, сильными, здоровыми, слѣдовательно, оно лишаетъ себя производительныхъ трудовъ лучшей части своего населенія; оно ослабляетъ и самый составъ населенія, уменьшая его приращеніе. Браки не согласуются съ чисто-военными цѣлями; въ войскахъ почти всѣхъ государствъ они встрѣчаютъ большія или меньшія затрудненія, да и самыя обязанности военной службы имъ неблагопріятствуютъ; поэтому, самая способная къ умноженію часть населенія тратитъ свои производительныя силы въ семейныхъ обязанностяхъ гражданина. Это обстоятельство ограничиваетъ число рождающихся; но при продолжительномъ военномъ напряженіи, когда большая часть крѣпкаго населенія вызвана на службу, къ ограниченному числу рождающихся присоединяется еще другое невыгодное условіе, — ихъ недолговѣчность, такъ какъ поколѣніе въ подобномъ случаѣ производится людьми незрѣлыми, хилыми, болѣзненными, или дряхлыми, словомъ тѣми, которые по своимъ физическимъ недостаткамъ были неспособны для военной службы. — Обстоятельство это уже оправдалось однажды на Франціи. Огромныя арміи, которыя она выставляла въ послѣдніе годы имперіи, были причиной, что въ 1830-хъ годахъ, количество ея конскриптовъ было менѣе обыкновеннаго собственно потому, что изъ родившихся въ 1810—1815 годахъ, немногіе дожили до 21-го года. — Большія постоянныя арміи и флоты, несоразмѣрныя съ населеніемъ и излишне его отягощающія, точно также вредно на него дѣйствуютъ, какъ и другія причины, имѣющія вліяніе на уменьшеніе населенія: войны, болѣзни, голодъ и проч.

Это-то важное экономическое условіе постоянно побуждаетъ и всегда будетъ побуждать правительства заботиться, какъ объ уменьшеніи пропорціи постоянныхъ войскъ къ населенію, такъ и объ облегченіи самой военной повинности. Достигается это двумя способами: 1) организаціею милицій, ополченій, развитіемъ торговаго флота и 2) сокращеніемъ сроковъ службы.

Дѣйствительно, если на случай чрезвычайной опасности отъ вторженія непріятеля, государство прійметъ въ расчетъ содѣйствіе, которое можетъ оказать все населеніе, способное носить оружіе, или весь годный для военной цѣли купеческій флотъ, то размѣры его постоянныхъ вооруженныхъ силъ могутъ быть значительно уменьшены. Установивши заранее правила для организациіи этихъ средствъ на случай войны, оно обезпечиваетъ въ извѣстной степени свою безопасность, не обременяя населенія и не отвлекая его отъ производительнаго труда. Чѣмъ государство болѣе развито, чѣмъ болѣе оно можетъ разсчитывать на достоинство формируемаго имъ ополченія, тѣмъ скорѣй оно можетъ уменьшить свои постоянныя войска.

Другое средство, не уменьшающее, но облегчающее мѣру военныхъ тягостей, несомыхъ населеніемъ, заключается, какъ мы сказали, въ уменьшеніи сроковъ службы. Еслибъ рекрутъ, вынуженный жребіемъ, или по очереди попавшій въ военную службу, былъ обязанъ посвятить себя ей на всю жизнь, то, конечно, для прочихъ членовъ общества и собственно для военныхъ цѣлей государства, это представляло бы многія выгоды. Ежегодная убыль изъ войскъ была бы не велика, слѣдовательно пополненіе ея требовало бы весьма ограниченнаго числа конскриптовъ, и притомъ государство всегда имѣло бы обдержанную, опытную армію. Но можетъ ли общество требовать отъ части своихъ членовъ службы на всю жизнь, тогда какъ другая часть совершенно отъ нея уклонится? Справедливость требуетъ равномерности въ распредѣленіи повинностей, и если мы сказали, что военная сила должна возникать изъ среды всего населенія, что эта повинность должна распредѣляться между всѣмъ населеніемъ страны, то ясно, что для выполненія этого условія слѣдуетъ, по возможности, отклонять продолжительные сроки службы, чтобъ въ арміи ежегодно очищалось мѣсто, если не для всѣхъ, то для возможно-большаго числа дозрѣвшихъ къ службѣ людей. Только при непродолжительныхъ срокахъ службы возможна равномерность и облегченіе военной повинности для населенія, ибо служить будутъ почти всѣ, но за то меньшіе сроки.

И для самого государства, какъ бы съ перваго взгляда ни казалось выгоднымъ имѣть армію изъ старослуживыхъ, обдержанныхъ людей, ограниченные сроки службы могутъ скорѣе удовлетворить требованіямъ прочной военной системы. При продолжительныхъ срокахъ, въ случаѣ войны, государство на первое

время дѣйствительно имѣетъ превосходную армію; но лишь только въ ней начинается значительная убыль, самый составъ ея быстро измѣняется; войска для пополненія своего получаютъ лишь молодыхъ неопытныхъ рекрутъ, совершенно незнакомыхъ ни съ военнымъ дѣломъ, ни съ перенесеніемъ походныхъ трудностей, и какъ бы ни была велика ихъ цифра, армія ужъ не представить прочнаго цѣлаго, и такъ же быстро растаетъ, какъ составила; примѣръ тому Наполеонова армія въ 1813 году. При ограниченнѣхъ ерокахъ службы, когда во время мира составъ арміи довольно-часто обновляется, государство встрѣчаетъ непріятеля съ хорошо-обученною, но молодою арміею; за то, далѣе, въ продолженіи долгаго времени ему уже не приходится прибѣгать къ рекрутамъ, ряды его войскъ пополняются людьми, прежде-служившими, сильными и достаточно-знакомыми съ военнымъ ремесломъ; а рекруты, между-тѣмъ, могутъ быть, не торопясь, подготовлены и поступать въ строй окрѣпшими, не представляя опасеній за свою долговѣчность и не заваливая съ-разу всѣхъ госпиталей.

Въ какой мѣрѣ ограниченные сроки службы, удовлетворяютъ потребностямъ военного искусства,—объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же, рассматривая вопросъ только съ экономической стороны, мы пришли къ заключенію, что какъ справедливость въ распредѣленіи военной повинности, такъ и сбереженіе военныхъ силъ въ случаѣ продолжительнаго напряженія, одинаково заставляютъ отдать предпочтеніе краткимъ срокамъ службы.

III. Соразмѣрность вооруженныхъ силъ съ матеріальными или финансовыми средствами страны.

Можетъ быть ни объ одномъ предметѣ нѣтъ такихъ разнообразныхъ софизмовъ, какъ о вліяніи вооруженныхъ силъ на матеріальное благосостояніе государства. Софизмы эти такъ убѣдительны, что часто раздѣляются людьми даже весьма-образованными. Причина тому заключается въ маломъ знакомствѣ съ началами политической экономіи. Что и наше военное общество не чуждо подобныхъ заблужденій, доказательствомъ тому служить разборъ сочиненія: «*Précis d'un nouveau système d'organisation militaire, par P. A. Huybrecht*», помѣщенный въ одномъ изъ нумеровъ журнала, издаваемого Военно-Ученымъ Ко-

митетомъ (*). Нѣсколько словъ объ этомъ разборѣ разъясняютъ намъ сущность вопроса; мы просимъ только обратить вниманіе на наши разсужденія, хотя бы они и казались элементарными: важныя истины требуютъ самаго прочнаго основанія, и малѣйшее пренебреженіе въ ихъ доказательствахъ можетъ повести къ недоразумѣнію.

Вотъ существеннѣйшая часть разбора: «Если благоустроенная армія имѣетъ столь важное значеніе въ государствѣ, что «служить опорною точкою его безопасности и *самобытности*, то «издержки, употребляемыя на содержаніе военныхъ силъ *составляютъ вопросъ второстепенной важности*. Странно, что авторъ подлежащей брошюры (т. е. Гейбрехтъ), человекъ, судя «по обработкѣ предмета, дѣльный и мыслящій, впадаетъ въ «ошибку, которую можно извинить развѣ говорунамъ, потому- «что они никогда не углубляются въ сущность предмета, а до- «вольствуются изображеніемъ его со стороны, пріятной для слу- «шателей или читателей. Авторъ *думаетъ, что содержаніе мно- «гочисленныхъ армій много отягощаетъ государства, и что дол- «жно вслѣдствіе стараться объ уменьшеніи издержекъ на военныя «надобности. Ложность подобнаго мнѣнія доказать не трудно*. «Благоденствіе въ государствѣ основывается не столько на ко- «личествѣ обращающихся въ немъ денегъ, сколько на быстротѣ «этого обращенія. Все, что ускоряетъ денежные обороты, су- «щественно возвышаетъ и національное благосостояніе. Поло- «жимъ, что четыре человека, *a, b, c, d*, должны другъ другу «каждый по 100 рублей, за работу или за товаръ: *a* беретъ «утромъ 100 р. и уплачиваетъ ихъ *b*; *b* отправляется съ этими «деньгами къ *c* и равнобѣрно уплачиваетъ ему свой долгъ; *c* «идетъ къ *d* и поступаетъ такимъ же образомъ, а вечеромъ *d* «уплачиваетъ *a* тѣ же 100 рублей. Результатъ подобнаго оборо- «та очевиденъ: *a* вечеромъ получилъ обратно свои сто рублей, и «долгъ въ 400 рублей всѣхъ четырехъ погашенъ; но каждый «изъ должниковъ дѣйствительно пользовался 100 рублями или «въ видѣ товара, или въ видѣ работы. Другими словами, 100 р., «совершившіе десять оборотовъ, внесли въ сумму національнаго «благосостоянія 1000 рублей. Ускореніе оборота условливается «въ особенности раздѣломъ труда, когда одинъ имѣетъ надоб- «ность въ другомъ для удовлетворенія своихъ потребностей.

(*) «Военный Журналъ» 1851 г., № 2, стр. 110—113.

«Армія представляетъ въ лицѣ своемъ такого капиталиста, которому необходимы всякаго рода потребности, приводящія въ движеніе безчисленное множество лицъ, и никто больше ея не «способствуетъ, въ столь-огромномъ размѣрѣ, быстрому обороту денегъ, какъ большими, такъ и мелочными суммами. Если же мы сообразимъ, что этотъ оборотъ не временное явленіе, «но повторяется ежегодно и дѣйствуетъ во всѣхъ кругахъ чело-«вѣческаго общества, то убѣдимся еще сильнѣе, что арміи не «только не отягощаютъ государства, напротивъ, сильно и суще-«ственно возвышаютъ общественное благосостояніе.»

Что арміи обезпечиваютъ безопасность государства, это совершенно справедливо; но чтобы они были *опорною точкою его самобытности*,—это чистый софизмъ. Самобытность государства укореняется и развивается гражданскою его жизнью, а не военною, иначе царства Чингисъ-хановъ, Тамерлановъ и другихъ были бы прочны, и Монголы до-сихъ-поръ владѣли бы Россіей. Сѣверо-Американскіе Штаты имѣютъ громадную самобытность и ничтожныя вооруженныя силы.

Далѣе, еслибъ критикъ сказалъ «арміи необходимы, слѣдовательно и издержки на нихъ необходимы», это было бы справедливо; но говоря, что издержки составляютъ *предметъ второстепенной важности*, онъ не правъ. Нѣтъ статьи въ государственныхъ расходахъ болѣе важной, какъ на содержаніе вооруженныхъ силъ и на уплату процентовъ по долгамъ, произошедшимъ почти исключительно отъ военныхъ издержекъ. Бюджетъ же государственный служитъ выраженіемъ матеріальнаго благосостоянія государства, и какъ военныя издержки занимаютъ первое мѣсто въ бюджетѣ, такъ имъ принадлежитъ первостепенное значеніе въ общей экономіи государства. Если государство, обязанное заботиться о развитіи всѣхъ сторонъ своей жизни, имѣя средства на содержаніе только 50,000 войска, сформируетъ себѣ армію въ 100,000 и будетъ долго упорствовать въ этой цифрѣ, то неминуемо придетъ къ одному изъ слѣдующихъ результатовъ: 1) или, при цвѣтущей военной сторонѣ, всѣ прочія начала его жизни начнутъ гложуть; 2) или армія его, гдѣ каждые два человѣка будутъ жить содержаніемъ, достаточнымъ лишь для одного солдата, подвергнется всевозможнымъ лишениямъ, будетъ заваливать госпитали, терпѣть большую смертность, опустится въ нравственномъ отношеніи и вообще сдѣлается непрочною; недоброкачественною; или же 3) если го-

сударство, не соображаясь съ своими средствами, не будетъ ни въ чемъ ограничивать своихъ расходовъ, оно быстро войдетъ въ долги, по которымъ не въ состояніи будетъ платить процентовъ, уронить свой кредитъ и постоянными дефицитами такъ разстроитъ свою финансовую систему, что не въ силахъ будетъ содержать даже и небольшую армію. Испанія намъ можетъ представить лучший примѣръ, возможна ли хорошая военная система въ государствѣ, запугавшемъ свои финансы. Армія ея существуетъ большею частью только на бумагѣ, на дѣлѣ же она едва ли въ состояніи выставить и 20,000 хорошо-снаряженнаго войска. Государство же не разоренное, не истощенное, и съ весьма-ограниченными военными силами способно къ энергическому сопротивленію; достаточно припомнить, какъ вооружалась Швейцарія въ 1838, 1848 и въ прошломъ 1857 году (*).

Этихъ доводовъ, кажется, достаточно, чтобы доказать, почему всѣ правительства, совершенно расходясь въ мнѣніи съ критикомъ, отдають должное значеніе военнымъ издержкамъ, стараясь сколь возможно соразмѣрять ихъ съ средствами страны. И какъ ни трудно опредѣлить въ точности, какую именно армію допускаютъ способы того или другаго государства, вездѣ мы видимъ однакожь желаніе сколь можно ближе подойти къ нормальной ея величинѣ, ибо для всѣхъ ясно, что если государство или армія страдаютъ при нарушеніи соразмѣрности какъ 50 къ 100, то хотя и въ меньшей степени, менѣе осязательно, но они неминуемо должны страдать и при нарушеніи ея, какъ 50 къ 51.

Чтобы доказать *ложность* мнѣнія Гейбрехта, будто армія отягощаютъ государство, критикъ приводитъ примѣръ обращенія капитала отъ *a* къ *b*, *c* и *d* и говорить, что обращеніе существенно содѣйствуетъ національному благосостоянію, а какъ армія постоянно побуждаетъ капиталы къ обращенію, то значить и она могущественно способствуетъ его благоденствію. Дѣйствительно, быстрый оборотъ капиталовъ чрезвычайно-выгоденъ для государства; но чтобы быстрое непроизводительное ихъ поглощеніе составляло особый источникъ богатства, этого нельзя доказать даже съ помощью всѣхъ буквъ Французской азбуки. Пока капиталъ вращается въ рукахъ *a*, *b*, *c*, *d*, членовъ работаю-

(*) См. Die Gegenwart, IV. B., „Die Schweiz“,
Т. I. От. II.

шихъ, до-тѣхъ-поръ онъ растетъ и обогащаетъ государство; но предположимъ, что с членъ военный, не работающій; ясно, что лишь только 100 р. дойдутъ къ нему, онъ ихъ сейчасъ проѣстъ или разстрѣляетъ; *d*, слѣдовательно, не получить ни гроша и не отдастъ своего долга *a*; иначе говоря, *d* не предприметъ никакой работы, такъ какъ капиталъ, который могъ бы произвести ее, исчезъ изъ обращенія. Выходитъ значить, что армія не только не обогащаетъ государство, но парализируя извѣстную часть работы, которая могла бы быть предпринята на поглощенные ею суммы, ослабляетъ народное производство, а слѣдовательно и обогащеніе. Быть можетъ критикъ, неудовлетворенный приведеннымъ объясненіемъ, повторить, что какъ бы то ни было, *армія есть такой капиталистъ, которому необходимы всякаго рода потребности, приводящія въ движеніе безчисленное множество лицъ, что никто больше ея не способствуетъ въ столь огромномъ размѣрѣ быстрому обороту денегъ, какъ большими, такъ и мелочными суммами*, и что слѣдовательно, если находясь въ *s* она и уничтожила эти суммы, то тѣмъ не менѣе, она заставила ихъ обращаться, заставила работать *a* и *b*, которые безъ нея не производили бы ничего. Если дѣло пошло о потребностяхъ, вызывающихъ работу, то пусть критикъ замѣтитъ, что онѣ одинаково существуютъ въ народѣ и въ арміи; тѣ же люди, которые кормятся и одѣваются, служа въ войскѣ, кормились бы и одѣвались, находясь у себя дома. Разница лишь въ томъ, что во второмъ случаѣ, вмѣсто темнозеленаго сукна, у нихъ надѣто быть можетъ темносинее, вмѣсто каски — надѣта шапка изъ мерлушекъ, и вмѣсто ружья, у нихъ въ рукахъ соха, или лотокъ съ сайками и красной икрой. Солдатъ повозившись день съ ружьемъ, ничего не заработалъ, а мужикъ продавши сайки, положилъ въ карманъ цѣлковый, на который пошлетъ пожалуй сына въ школу (*).

(*) Для окончательнаго разъясненія этого вопроса приводимъ здѣсь небольшую статейку Бастіа, подъ заглавіемъ *Le Licenciement*.

«Къ народу примѣняется то же, что и къ отдельному человѣку. Ежели онъ желаетъ въ чемъ-либо удовлетворить себя, ему самому судить: стоитъ ли удовлетвореніе требуемыхъ расходовъ. Для народа безопасность есть величайшее благо, и если для достиженія ея необходимо выставить 100 тысячъ человѣкъ и израсходовать 100 милліоновъ, а ничего не могу сказать противъ этого. Это будетъ удовлетвореніе, купленное извѣстнымъ пожертвованіемъ.

Нѣтъ, не обращеніемъ капиталовъ, а тѣмъ, что армія *оберегаетъ работу*, даетъ возможность каждому члену спокойно трудиться надъ своимъ дѣломъ, — вотъ чѣмъ армія способствуетъ благосостоянію государства, и необходимо заботиться только о

«Пусть же не ошибаются въ цѣли моего сужденія.

«Депутатъ предлагаетъ распустить 100 тысячъ человѣкъ, чтобы облегчить на 100 милліоновъ націю, платящую подати. Если ему скажутъ: «Эти 100 тысячъ человѣкъ и эти 100 милліоновъ необходимы для народной безопасности; это пожертвованіе, но безъ него Франція будетъ раздираема смутами, или наводнена непріателемъ», — я ничего не имѣю противъ этого довода, который въ дѣйствительности можетъ быть справедливъ или нѣтъ, но по-крайней-мѣрѣ теоретически не заключаетъ въ себѣ никакой экономической ереси. Софізмъ начинается тогда, когда самое пожертвованіе хотятъ выставить выгоднымъ, потому-что оно кому-нибудь прибыльно.

«Я ошибся, авторъ предложенія не успѣлъ еще сойти съ трибуны, какъ ужъ другой ораторъ устремился къ ней, чтобы сказать :

«Распустить 100 тысячъ человѣкъ! да обдумали ли вы это? Что съ ними станетъ? Чѣмъ они будутъ жить? не работой ли? Но развѣ вы не знаете, что въ работѣ повсюду недостатокъ? что всѣ пути въ ней уже переполнены? Хотите ли ихъ бросить на рынокъ, чтобы увеличить только конкуренцію и понизить задѣльную плату? Когда такъ трудно заработать хлѣбъ насущный, не благодѣяніе ли это, что государство кормитъ 100 тысячъ человѣкъ? Сообразите также, что армія потребляетъ вино, платье, оружіе, что она распространяетъ дѣятельность на фабрикахъ и въ городахъ, гдѣ держитъ гарнизоны, что наконецъ, она есть провидѣніе своихъ безчисленныхъ поставщиковъ. Не содрагаются ли вы отъ одной мысли подавить это громадное промышленное движеніе?»

«Эта рѣчь, какъ вы видите, требуетъ содержанія 100 тысячъ человѣкъ, не только по необходимости самой ихъ службы, но и по соображеніямъ экономическимъ. Только эти соображенія я и опровергну.

«100 тысячъ человѣкъ, стоящіе націи, платящей подати, 100 милліоновъ, живутъ и даютъ средство жить своимъ поставщикамъ, на сколько 100 милліоновъ то позволяютъ. — *Это то, что видятъ.* Но 100 милліоновъ, вынутые изъ кармана платящихъ подати, лишаютъ средствъ къ жизни, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ поставщиковъ, на сколько же, на сколько 100 милліоновъ могли бы тому способствовать: *это то, чего не видятъ.* Сообразите, сочтите, и скажите: гдѣ выигрышъ для массы?»

«Что же до меня касается, я скажу вамъ, гдѣ убытокъ; и для упрощенія вопроса, вмѣсто 100 тысячъ человѣкъ и 100 милліоновъ, будемъ разсуждать объ одномъ человѣкѣ и одной тысячѣ франковъ.

«Мы въ деревнѣ А. Рекрутскіе наборщики обходятъ деревню и берутъ одного человѣка. Сборщики податей обходятъ ее въ свою очередь и берутъ 1000 фр. Человѣкъ и деньги отправлены въ Мецъ; по-

томъ, чтобъ пріобрѣсть это спокойствіе съ возможно-меньшими пожертвованіями. Ничто не достается государству такою дорогою цѣною, какъ обезпеченіе его безопасности, ибо какъ мы видѣли, оно въ эгомъ случаѣ тернеть, во-первыхъ, капиталъ,

слѣднія назначены, чтобъ содержать перваго, не требуя отъ него никакой работы. Если вы заглянете въ Мецъ, о! вы тысячу разъ правы, результатъ тамъ самый выгодный; но ежели вы обратите свой взоръ къ деревнѣ А., вы будете судить иначе, и если только не слѣпы, то увидите, что деревня потеряла *работника, тысячу франковъ, вознаграждавшихъ его работу и дѣятельность*, которую онъ распространялъ вкругъ себя, расходуя эту тысячу.

«Съ перваго взгляда тутъ, кажется, только перемѣщеніе Обстоятельство, происходившее въ деревнѣ, происходитъ въ Мецѣ—и только. Но вотъ гдѣ убытокъ. Въ деревнѣ человекъ копалъ и пахалъ: это былъ работникъ; въ Мецѣ онъ ворочаетъ голову направо и налево: это солдатъ. Деньги и обращеніе ихъ одинаковы въ обоихъ случаяхъ; но въ одномъ это триста дней работы производительной; въ другомъ, это триста дней работы непроизводительной,—конечно, предполагая, что часть арміи не необходима для общественной безопасности.

«Теперь объ увольненіи. Вы мнѣ указываете наплывъ 100 тысячъ человекъ рабочихъ, возбужденную конкуренцію и упадокъ заработковъ ею произведенный. *Это вы видите.*

«Но вотъ *чего вы не видите.* Вы не видите, что распустить 100,000 солдатъ значитъ сберечь 100 милліоновъ франковъ и отдать ихъ людямъ, платящимъ подати. Вы не видите, что пуская такимъ образомъ 100,000 человекъ на рынокъ, вы разомъ пускаете туда и 100 милліоновъ франковъ, которые оплачивали бы ихъ работу, и что слѣдовательно, та же мѣра, увеличивающая число предлагаемыхъ рукъ, увеличиваетъ и запросъ на нихъ; выходитъ, что ваше пониженіе заработковъ только воображаемое. Вы не видите, что какъ передъ увольненіемъ, такъ и по роспускѣ войскъ, въ странѣ есть 100 милліоновъ франковъ соответствующихъ 100,000 человекъ, и что вся разница въ томъ, что прежде страна давала 100 милліоновъ франковъ 100,000 человекамъ, чтобъ они ничего не дѣлали, а потомъ она даетъ тѣже деньги, чтобъ они работали. Вы не видите наконецъ, что когда нація даетъ свои деньги солдату въ-замѣнъ ничего, а работнику въ-замѣнъ чего нибудь,—въ обоихъ случаяхъ всѣ обстоятельства обращенія денегъ одинаковы, только во второмъ, нація получаетъ что нибудь, а въ первомъ не получаетъ ничего. Результатъ — чистый убытокъ для народа.

«Софизмъ, который я здѣсь опровергаю, не выдержитъ испытанія и по методѣ увеличенія размѣра, методѣ, служащей пробнымъ камнемъ для всѣхъ принциповъ. Если все взвѣсивъ и разобравъ, народу выгодно увеличивать армію, то почему же не поставить подъ знамена разомъ все возмужалое населеніе страны?» — «Oeuvres compl. de Fr. Bastiat», т. V, стр. 340—343.

произведенный населеніемъ и употребленный на содержаніе арміи, и во-вторыхъ, всю цѣнность той работы, которую произвели бы люди этой арміи, оставаясь въ населеніи.

ТѢ ЖЕ УСЛОВІЯ ДЛЯ ФЛОТА.

Мы разобрали экономическія условія, связанныя съ содержаніемъ сухопутныхъ силъ; скажемъ же теперь нѣсколько словъ и объ отношеніи этихъ условій къ флоту.

Назначеніе флота уже тѣмъ ограничено противъ арміи, что онъ рѣже можетъ служить для обезпеченія внутренней безопасности государства; цѣль флота—по преимуществу дѣйствія внѣшнія—болѣе или менѣе обширны, смотря по расположенію владѣній страны и по обширности морской торговли, которая оберегается имъ точно такъ же, какъ арміею оберегается трудъ внутри государства.

Цѣль эта опредѣляетъ размѣръ и характеръ морскихъ силъ, указывая государству на необходимость содержанія въ извѣстной соразмѣрности большихъ и малыхъ судовъ, способныхъ для дальнихъ плаваній, или для береговыхъ.

Если отношеніе сухопутныхъ войскъ къ населенію важно въ видахъ государственной экономіи и прочности самой военной системы, то условіе это сохраняетъ свою силу и въ отношеніи къ флоту, съ тою разницею, что въ этомъ случаѣ соразмѣрность надо опредѣлять по отношенію къ населенію прибрежныхъ областей государства, или вообще тѣхъ, которыя даютъ людей способныхъ къ морской службѣ. Размѣры флота такъ тѣсно связаны съ количествомъ этого населенія, что всѣ старанія выйги изъ опредѣляемой имъ нормы не приведутъ ни къ какому плодотворному результату. Правда, что поглотивъ для флота всю способную къ службѣ прибрежную часть населенія, государство можетъ расширить размѣры морскихъ силъ и, поднявъ образованіе флота, дать одно, два, хорошихъ сраженія; но если борьба затянется, то недостатки самыхъ элементовъ, на которыхъ онъ созданъ, необходимо обнаружатся; и чѣмъ болѣе значеніе имѣлъ флотъ въ началѣ войны, тѣмъ меньшее значеніе останется ему при ея окончаніи. Чтобы флотъ постоянно, даже въ самой упорной борьбѣ, сохранялъ свою силу, необходимо размѣръ и пополненіе его строго уравнивать съ средствами приморскаго населенія, ибо отъ источниковъ пополненія флота зависятъ главнѣйшимъ образомъ его качества, а качество во фло-

тѣ имѣеть еще большее значеніе, чѣмъ въ сухопутныхъ войскахъ. Какъ бы ни стремилась Франція сравняться морскимъ могуществомъ съ Великобританіей, она никогда не достигнетъ своей цѣли. Флотъ Французскій можетъ быть могущественъ на морѣ только въ извѣстное время, истинное же его значеніе останется всегда второстепеннымъ. Наполеонъ и послѣ Трафальгара создавалъ огромные флоты; но кончилось тѣмъ, что они не смѣли выходить изъ портовъ. Соединенные Штаты, напротивъ, при небольшомъ военномъ флотѣ, но при богатыхъ источникахъ его пополненія, не боялись въ 1812 году, воюя съ Англіею, посылать свои корабли въ Ламаншъ, въ самое средоточіе англійской силы, и корабли ихъ нерѣдко одерживали побѣду надъ англійскими.

Какъ милиціи и сокращенные сроки службы ограничиваютъ и облегчаютъ военную повинность въ отношеніи сухопутныхъ силъ, такъ отъ обширности торговыхъ флотовъ зависитъ, на сколько прибрежное населеніе можетъ быть облегчено отъ морской повинности. Торговый флотъ есть резервуаръ, изъ котораго, въ случаѣ надобности, государство усиливаетъ свои морскія силы не только людьми, но и самыми судами; мало того, при обширности купеческаго флота, онъ можетъ служить даже главнымъ основаніемъ морскихъ силъ государства, которымъ военныя суда будутъ лишь добавленіемъ. Соединенные Штаты имѣютъ какихъ нибудь 60—70 военныхъ судовъ, Франція же въ обыкновенное время содержитъ ихъ свыше 300 (*), но можно ли сказать, чтобъ морскія ихъ силы были такъ непропорциональны? Нисколько; въ случаѣ надобности, флотъ американскій бысро уравнился бы съ французскимъ, потому что у Штатовъ всегда на-готовѣ гораздо обширнѣйшія средства въ ихъ торговомъ флотѣ. Что, также, поддерживаетъ значеніе Австріи на Средиземномъ Морѣ? Конечно не военный ея флотъ, а дѣятельный и энергическій Ллойдъ. И мы въ послѣднее время послѣдовали этому пути. Наше правительство создало уже на Черномъ Морѣ достойнаго соперника Ллойду, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ надобности будетъ вознаграждено блистательною услугой, которую окажетъ Россіи тамошній торговый флотъ. Еслибъ великіе успѣхи преобразованія могли быстро слѣдовать одинъ за другимъ, быть можетъ, мы были бы уже свидѣ-

(*) Конечно, не всѣ вооруженными.

телями, что и въ Балтійскомъ Морѣ часть военныхъ судовъ нашихъ была бы замѣнена прочно организованною навигаціонною компаніею, которая сберегала бы государству издержки, обогащала бы страну и всегда была бы готова явиться на помощь отечеству для его защиты. За начало, которому мы начали слѣдовать, опасаться нечего: безчисленные примѣры доказали, какъ оно выгодно, вѣрно, могущественно. Греція до освобожденія не имѣла военнаго флота; откуда же у ней явилась морская сила для такой упорной борьбы съ Турціей?

Отъ торговаго флота зависятъ и сроки службы на военныхъ корабляхъ. Гдѣ купеческихъ судовъ мало, тамъ нельзя слишкомъ ограничивать сроковъ; матросъ хорошъ только опытный, и его можно рано увольнять со службы только тамъ, гдѣ онъ могъ бы продолжать свое ремесло; гдѣ же это условіе невыполнимо, тамъ и самые сроки тяжело ложатся на прибрежное населеніе. Въ Англіи срокъ службы на флотѣ трехлѣтній, у насъ же свыше 20 лѣтъ.

Содержаніе морскихъ силъ обходится сравнительно еще дороже, чѣмъ сухопутныхъ; слѣдовательно, тутъ требуется еще большая разсчетливость въ издержкахъ. Цѣль флота въ мирное время, какъ мы сказали, одна: охраненіе внѣшней торговли государства; а гдѣ эта торговля ограничена или не подвергается никакой опасности, тамъ и обязанности флота ничтожны, и капиталъ на него употребленный не только не приноситъ никакихъ процентовъ, но требуетъ еще ежегодныхъ большихъ расходовъ, которые тоже ничѣмъ не вознаграждаются. Но если взаимное недовѣріе между континентальными державами побуждаетъ ихъ содержать арміи гораздо многочисленнѣйшія, чѣмъ по благоразумію то слѣдовало бы, то справедливое недовѣріе континентальныхъ державъ къ Англіи заставляетъ ихъ содержать и флоты гораздо большіе, чѣмъ по ихъ потребностямъ то нужно. Англійская политика до сихъ поръ еще не отличалась особенною добросовѣстностью; напротивъ, даже и въ послѣдніе полъ-вѣка Великобританія не разъ злоупотребляла своей силой; а какъ ни одна изъ европейскихъ державъ, отдѣльно взятая, не можетъ ее уравновѣсить, то остается одно: противопоставлять ей силы нѣсколькихъ державъ, взятыхъ вмѣстѣ, причемъ онѣ невольно должны раздѣлить между собой и бремя, налагаемое излишнимъ содержаніемъ флотовъ.

Вотъ главныя основанія для существованія морскихъ воору-

женныхъ силъ; если есть еще мнѣнія о необходимости развивать военные флоты для *покровительства* внѣшней торговлѣ, то мнѣнія эти совершенно ложны. *Оберегать* торговлю флотъ можетъ, это понятно; но какимъ образомъ онъ можетъ ей *покровительствовать*, это рѣшительно необъяснимо; не тѣмъ ли, что грозя пушками кораблей, заставить жителей какого либо порта покупать привезенные товары? Но развѣ мы не видимъ, что однимъ и тѣмъ же Англичанамъ, въ мѣстахъ, гдѣ они не показываютъ своихъ ружей, дикія племена Африки съ готовностью несутъ свои продукты для обмѣна; въ мѣстахъ же, гдѣ производятъ нападеніе, жители бѣгутъ отъ нихъ или встрѣчаютъ съ оружіемъ вмѣсто товаровъ? Даже всѣ выгоды обмѣна не могли до сихъ поръ связать прочно отношеній Китайцевъ и Индійцевъ къ Англичанамъ. Откуда же, напротивъ, на восточныхъ водахъ такой привѣтъ Голландцамъ и Американцамъ? «Нѣтъ, не съ оружіемъ въ рукахъ совершаются выгодныя торговыя сдѣлки; умѣнье производить товары, согласныя съ требованіями потребителей и притомъ по дешевѣйшимъ цѣнамъ, вотъ лучшее покровительство торговлѣ, которымъ одна нація можетъ выиграть передъ другою. Пушки тутъ ничего не значатъ» (*).

«Не нужно ли Франціи могущественнаго флота, говорить Бастіа, чтобы открыть новые пути нашей торговлѣ и повелѣвать отдаленными рынками? Ахъ, какъ странно обращаются съ нашею торговлею! Ей мѣшаютъ, ее стѣсняютъ, ограничиваютъ, и все это за большія деньги; а потомъ, если уцѣлѣетъ малѣйшая ея доля, берутся съ нѣжною заботливостью за эти остатки, которымъ удалось пройти сквозь петлю таможни, и говорятъ: мы хотимъ покровительствовать негоціантамъ, возьмемъ же съ народа 150 милліоновъ, чтобы покрыть моря кораблями и пушками. Но прежде всего, 0,99 нашей торговли совершается съ странами, гдѣ нашъ военный флагъ никогда не показывался и не покажется. Развѣ мы имѣемъ военные флоты у гаваней Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи, Испаніи, Германіи, Россіи? Дѣло идетъ значить о Мейіотѣ и Носсибѣ; то есть у насъ берутъ налогами болѣе Франковъ, чѣмъ сколько эта торговля дастъ сантимовъ.»

«Далѣе, чѣмъ увеличивается сбытъ? Одною вещью: дешевизною. Посылайте куда хотите ваши произведенія, которыя стоили

(*) Мысль Сэ, см. «Cours complet», т. II, стр. 297.

бы пятью *су* болѣе, чѣмъ подобныя англійскіе или швейцарскіе товары, — корабли и пушки не помогутъ вамъ ихъ продать. Пошлите туда произведенія, которыя стоили бы пятью *су* менѣ англійскихъ и швейцарскихъ, — чтобъ ихъ продать, вамъ не будутъ нужны корабли и пушки. Развѣ не извѣстно, что Швейцарія, у которой нѣтъ ни одного судна, кромѣ какъ на своихъ озерахъ, вытѣснила даже изъ самого Гибралтара нѣкоторыя англійскія матеріи, несмотря на стражу, которая стоитъ у воротъ?» (*)

Повторяемъ еще разъ, покровительство торговлѣ, увеличеніе благосостоянія, опора самобытности, все это обстоятельства, непричастныя вооруженнымъ силамъ; цѣль ихъ всегда и вездѣ одна: обезопасить жизнь и дѣятельность государства. Ясно также, что государство будетъ тѣмъ въ большей выгодѣ, чѣмъ цѣль эга будетъ достигнута съ меньшими пожертвованіями. Экономическій путь для этого одинъ: содержать въ мирное время только самое необходимое число войскъ *дѣйствующихъ*, требующихъ постоянныхъ расходовъ; на случай же войны, имѣть организованную силу въ самомъ народѣ, готовую могущественно подкрѣпить армію, а между тѣмъ не требующую большихъ постоянныхъ издержекъ.

Теперь посмотримъ, какія должны быть выполнены условія чисто военныя, чтобы постоянная или дѣйствующая сила государства, ограниченная въ своихъ размѣрахъ соображеніями экономическими, вполне соотвѣтствовала своему назначенію.

IV. Качество войскъ и ихъ организація (**).

Чтобы издержки, употребляемыя государствомъ на содержаніе войска, не пропадали даромъ, необходимо, чтобъ качество его было высоко. Много ли, мало ли войскъ, они должны быть хороши, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Въ мирное время войска, содержимыя государствомъ, служатъ основаніемъ для силъ выставляемыхъ съ началомъ войны. Армія представляетъ собой кадръ, сквозь который проходитъ

(*) См. «Fr. Bastiat. Oeuvres compl.», т. V, стр. 456—457.

(**) Читатель встрѣтитъ здѣсь довольно много идей, заимствованныхъ или перефразированныхъ изъ сочиненія Пексана «Constitution militaire de la France», которое на столько же отличается свѣтлыми взглядами, на сколько другое его сочиненіе «Force et faiblesse militaires de la France», поражаетъ странностями.

большая или меньшая часть населенія, получая здѣсь свое военное образованіе. Слѣдовательно, важна не ея многочисленность, а основательное ея обученіе, нужна довѣренность между подчиненными и начальниками и честная дисциплина, связывающая взаимнымъ уваженіемъ всѣхъ ея членовъ и раждающая во всѣхъ одинаковую преданность власти.

Во время войны излишнее количество войскъ тоже не служить ни къ чему; напротивъ, оно только затрудняетъ продовольствіе, управленіе и движеніе армій; и чѣмъ болѣе развиваются военныя дѣйствія и чѣмъ чаще столкновенія, тѣмъ очевиднѣе качество беретъ верхъ надъ количествомъ.

Качество, это фаланга Александра Македонскаго, 10-й легионъ Цезаря, итальянская армія Бонапарте и войска Суворова въ Швейцаріи; это также милиціи Швейцарцевъ и Американцевъ отстаивающія свою независимость

Количество, это толпы варваровъ, массы сброда, бѣгущія отъ перваго выстрѣла.

У Наполеона были многочисленныя арміи, правда; но только съ небольшимъ числомъ превосходныхъ солдатъ онъ совершилъ итальянскіе и египетскій походы; съ массою же безчисленныхъ рекрутъ онъ былъ разбитъ въ 1813 году.

Результатъ кампаніи зависитъ часто отъ одного сраженія; сраженіе же рѣшается иногда въ одно мгновеніе, на одномъ какомъ либо пунктѣ; слѣдовательно, успѣхъ боя будетъ въ рукахъ того, кто въ этотъ моментъ броситъ на спорный пунктъ колонну лучшаго качества.

Качество же войскъ зависитъ отъ физическаго ихъ состава, отъ степени ихъ искусства, отъ образованія офицеровъ и вышшихъ чиновъ арміи и наконецъ отъ духа ее оживляющаго.

Физическія свойства, кромѣ гѣлосложенія людей, зависятъ отъ времени поступленія на службу и отъ продолжительности самой службы. Дѣйствительно, не во всякую пору своей жизни человѣкъ одинаково къ ней способенъ: онъ пріобрѣтаетъ должную силу на 21 году, но совершенно крѣпнетъ только къ 25 году; за тѣмъ, до 35 лѣтъ, всѣ его физическія качества выражаютъ именно то, что необходимо для воина; далѣе же, если еще не упадаютъ ни сила, ни крѣпость, то уменьшаются живость, ловкость, проворство; къ 45 годамъ солдатъ, служившій постоянно, уже весьма повзотрется, къ 50 или 55 онъ будетъ инвалидомъ.

Значить, войска выгодиѣе всего пополнять рекрутами достигшими 21 года, т. е. молодыми, сильными, способными къ обученію. Въ походѣ лучше всего вести армію 25—35 лѣтняго возраста; люди старѣе 35 лѣтъ хороши въ резервныхъ войскахъ или въ кадрѣ войскъ дѣйствующихъ; тѣ же, которые перешли 45 лѣтъ, могутъ служить въ войскахъ только въ видѣ особыхъ исключеній. На самомъ дѣлѣ встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія въ примѣненіи этихъ соображеній къ составу войскъ; но намъ кажется, что въ настоящее время отъ нихъ дѣлаютъ болѣе отступленій, чѣмъ сколько нужно. По крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила можно было бы принять, чтобъ люди не поступали въ армію ранѣе 21 года.

Изъ того, что мы опредѣлили лучшимъ возрастомъ для дѣйствительной службы время отъ 21 до 35 года, не слѣдуетъ еще заключать, чтобъ мы эти 15 лѣтъ считали лучшимъ срокомъ для службы въ арміи. Нѣтъ, сроки службы могутъ быть независимы отъ возрастовъ, и если, рассматривая военную силу съ экономической стороны, мы выставляли выгоды возможнаго ихъ ограниченія, то здѣсь, съ военной точки, мы должны только прибавить, что ихъ нельзя сократить болѣе, чѣмъ то позволяетъ самая способность населенія къ военной службѣ; иначе говоря, они должны согласоваться съ временемъ, необходимымъ для образованія изъ конскрипта хорошаго солдата.

Какой же срокъ, хогя приблизительно, необходимъ дляэтой цѣли? Теоретически это рѣшить трудно, для соображенія же можно имѣть въ виду, что у Французовъ, народа въ высокой степени воинственнаго, любящаго военное ремесло и быстро съ нимъ свыкающагося, срокомъ необходимымъ для образованія хорошаго солдата считается 7 или 8 лѣтній, причемъ отъ 4 до 5 лѣтъ полагается на службу въ дѣйствующей арміи, а осгальное время въ ея резервахъ.

Но сроки службы и число людей ежегоднаго пополненія арміи суть цифры тѣсно между собой связанныя: 100 тысячная армія одинаково комплектуется 50,000 людей, взягыхъ на 2 года, или 20,000 на 5 лѣтъ, или же 10,000 на 10 лѣтъ (*), слѣдовательно, опредѣливъ приблизительно, что сроки службы, подобно французскимъ, должны быть семи или восьмилѣтніе, мы очевидно должны отказаться отъ идеи ежегодно включать въ составъ

(*) Конечно, независимо отъ смертности.

арміи все дозрѣвающее мужеское населеніе страны, потому что въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы безъ всякой надобности увеличивать число постоянныхъ войскъ содержимыхъ государствомъ. Отказавшись же отъ идеи пропускать сквозь армію все способное населеніе, мы по необходимости должны нарушить условіе равномерности въ распредѣленіи военной повинности. Какъ же помочь этой неравномѣрности? Вотъ вопросъ, который мы постараемся развить особо въ одной изъ слѣдующихъ статей, принявъ въ основаніе то, что по этой части дѣлается въ Швейцаріи, Англіи и Франціи.

Качество войскъ, кромѣ тѣлесной ихъ крѣпости, достигается еще системою ихъ обученія. Какъ бы ни были разнообразны способы, принятые для образованія войскъ, мы отладимъ изъ нихъ преимущество только тому, который основывается на понятіи о солдатѣ, какъ о разумной единицѣ, а не механической, который и въ самомъ строю поддерживаетъ въ людяхъ сознаніе, а не одну только мертвую тишину. Армія должна быть машиной, послушною волѣ главнокомандующаго, но каждый ея составъ, каждый винтикъ или рычагъ, отдѣльно взятые, чтобы не останавливать хода машины должны въ то же время сами собой двигаться, вертѣться.

Удовлетворить этому можно только основательною, заботливою системою военного образованія, которое проникало бы до послѣдняго солдата.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, грамотность войскъ составляетъ предметъ особеннаго вниманія и потому самому даетъ съ каждымъ годомъ все лучшіе результаты. Строевое обученіе грамотнаго солдата гораздо легче, чѣмъ неграмотнаго; упражненія ума, необходимыя для изученія грамоты, развиваютъ его понятельную способность и человѣку дѣлаются доступны толкованія даже нѣсколько сложныя, какъ напримѣръ объясненіе стрѣлковаго дѣла. Въ военно-административномъ отношеніи грамотность столько же полезна. Только тогда, когда солдатъ грамотенъ и разумѣетъ счеты, хозяйство войскъ получаетъ прочное основаніе; каждымъ солдатомъ можетъ быть ведена книжка съ отмѣтками всего, что ему слѣдуетъ получить, и что онъ дѣйствительно получилъ; въ войскахъ является тогда лучшій и строжайшій контроль по хозяйству, отъ самихъ получателей солдатъ. Наконецъ и по увольненіи солдата со службы, труды употребленные на обученіе его грамотѣ не пропадутъ даромъ; напро-

тивъ, польза ихъ проникнетъ въ среду самаго населенія страны, и армія, исполняя высокое назначеніе обезпеченія ея безопасности, будетъ также одной изъ дѣятельнѣйшихъ помощницъ умственнаго движенія народа. Эта польза грамотности въ войскахъ признана нынѣ уже всѣми просвѣщенными правительствами (*).

Унтеръ-офицеры составляютъ звено, связывающее іерархически офицеровъ съ солдатами, поэтому и образованіе ихъ должно стоять выше, чѣмъ простыхъ рядовыхъ. Къ этому надо прибавить, что во всѣхъ арміяхъ имъ открытъ доступъ въ офицеры; слѣдовательно, если образованіе унтеръ-офицеровъ пренебрежено, путь этотъ долженъ передъ ними закрыться, или армія будетъ терпѣть отъ офицеровъ, несоотвѣтствующихъ своему назначенію.

Самое же серьезное военное образованіе должно заключаться въ самихъ офицерахъ и высшихъ чинахъ арміи. Если Наполеонъ цѣнилъ себя въ 100,000, если Екатерина Великая считала за двѣ, ту армію, которою командовалъ Суворовъ, то можно ли сомнѣваться въ важности военнаго искусства въ начальникахъ войскъ? А искусство дается не однимъ только геніямъ, но и тѣмъ людямъ, которые захотятъ разработать способности, данныя имъ природой. Офицеръ менѣе главнокомандующаго, но каждый въ своемъ кругу можетъ быть на столько же полезенъ, увеличивая своими соображеніями результатъ дѣйствія войскъ иногда вдвое, а иногда въ 10 и болѣе разъ. Безчисленны примѣры, что искусство одолѣвало не только многочисленность, но и самую отчаянную храбрость.

Серьезность, основательность изученія возможны, однако, только по достиженіи извѣстнаго возраста, именно 20 или 22-хъ лѣтняго. Слѣдовательно, не увлекаясь блестящими успѣхами 17-лѣтнихъ юношей, необходимо продолжать ихъ образованіе, по крайней мѣрѣ, до 20 лѣтъ; въ противномъ случаѣ ученіе пропадетъ даромъ, не принося никакихъ полезныхъ результатовъ. 20-лѣтній возрастъ важенъ еще тѣмъ, что только тутъ укрѣпляется характеръ человѣка, дѣлаясь самостоятельнымъ; а характеръ офицера столько же важенъ для солдата, какъ и самая его свѣдѣнія.

(*) У насъ въ этомъ отношеніи особенно успѣваютъ стрѣлковыя части; мы не знаемъ въ точности, какъ идутъ эти занятія въ арміи, но въ гвардіи есть уже нѣсколько ротъ, въ которыхъ осталось не болѣе, какъ по 8 или 10 человѣкъ необученныхъ грамотѣ.

Офицеры, недозрѣлые ни нравственно, ни уметвенно, ни физически, не могутъ имѣть благотѣльнаго вліянія на армію. У нихъ не можетъ быть серьезнаго взгляда на ежедневныя обязанности службы и, вся польза ихъ ограничивается тѣмъ, что они всегда готовы, какъ солдаты, умереть передъ фронтомъ. Сколько англійской молодежи погибло въ Крыму, но все таки это не доставило славы ни имъ, ни арміи, ни государству. А недозрѣлость нравственная какъ горько отзывалась впослѣдствіи, когда человѣкъ, начавшій поприще безъ твердыхъ убѣжденій, достигаетъ наконецъ значительныхъ должностей! — Разъ, что онъ не успѣлъ сознать себя, своего достоинства. Онъ не признаетъ достоинства и другихъ, не будетъ въ состояніи поднимать, скрѣпить окружающее его общество и очень часто не будетъ въ состояніи даже честно вести порученнаго ему хозяйства. Офицеры должны входить въ армію не иначе, какъ съ твердыми нравственными элементами, иначе, какъ говоритъ Виккеде, они готовятъ арміи участь, постигшую Французовъ подъ Росбахомъ, а пожалуй и еще худшую (*). Невѣжественная молодость, какъ и невѣжественное старчество одинаково гибельны для арміи.

Государство, заботясь о дѣтяхъ своихъ подданныхъ и въ особенности о дѣтяхъ лицъ военнаго званія, можетъ устраивать для нихъ общія воспитательныя заведенія; но заведенія, имѣющія главною цѣлью приготовленіе для арміи офицеровъ, только тогда достигнуть исполнѣ своей цѣли, если будутъ существовать не для дѣтей, а для юношей, отъ 15 и 16 лѣтнаго возраста, когда уже самое призваніе ихъ къ военному ремеслу опредѣлилось (**). Сколько времени имъ быть въ заведеніи—это зависить отъ рода службы, къ которой они готовятся, но важно, чтобъ они кончили свое образованіе не ранѣе, какъ на 20 году. Служба Генеральнаго Штаба составляетъ въ этомъ случаѣ особое исключеніе; приготовленіе къ ней можетъ начинаться не ранѣе, какъ когда человѣкъ уже прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ дѣйствующ-

(*) Wikkede, «Vergleichende Charakteristik der österreichischen, preussischen, englischen und französischen Landarmee», 221.

(**) Преобразованія, предпріятыя въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этому началу, то есть, ограниченію размѣровъ военно-воспитательнаго образованія (для дѣтей) и увеличенію размѣровъ спеціальнаго военнаго образованія (для юношей).

щихъ войскахъ, а слѣдовательно и оно кончиться должно въ возрастѣ уже вполне возмужаломъ.

Какъ духъ и тѣло на извѣстныхъ годахъ крѣпнуть, точно также они на извѣстномъ возрастѣ и слабѣютъ. Бываютъ исключенія, но большинство людей подвергается общему закону органической жизни, и къ 60-му году рѣдко въ комъ сохраняются во всей силѣ энергія характера, быстрота соображеній и изобрѣтательность мысли. Поэтому и командованіе войсками должно поручаться людямъ еще не утратившимъ этихъ качествъ. Пруссія проиграла кампанію 1806 года въ одно сраженіе; одною же изъ причинъ проигрыша сраженія было то, что тремъ предводителямъ ея арміи, герцогу Брауншвейгскому, Рюхелю, Гогенлоэ, и главному совѣтнику при королѣ, фельдмаршалу Мелендорфу, было въ сложности 265 лѣтъ, т. е. болѣе чѣмъ по 66 на человѣка (*). Человѣкъ, увѣнчанный сѣдинами, рѣдко въ состояніи измѣнить свои взгляды и убѣжденія; такъ и прусскіе генералы встрѣтили армію Наполеона съ своими старыми убѣжденіями о военномъ искусствѣ, тогда какъ предшествовавшія войны кажется ясно свидѣтельствовали, что оно измѣнилось. Наполеонъ въ 1812, 1813, и 1815 году былъ уже не тѣмъ, что въ 1796. Кутузовъ въ 1812 году вѣроятно дѣятельнѣе преслѣдовалъ бы Наполеона, еслибъ былъ моложе. Даже такой сильный военный характеръ, какъ Суворовъ, въ швейцарскомъ походѣ, въ послѣднюю пору своего командованія, имѣлъ минуту слабости и на колѣняхъ плакалъ передъ цесаревичемъ (*).

Если мы обращаемъ такое вниманіе на образованіе войскъ, и въ особенности на хорошій составъ офицеровъ, то именно потому, что отъ нихъ болѣе всего зависитъ *духъ войскъ*. А въ силѣ духа и заключается главное отличіе человѣка, способнаго съ честью защищать отечество, отъ человѣка негоднаго для этой цѣли. Не развивая духа, сдѣлать *солдата*—легко, сдѣлать же настоящаго *воина*—трудно. До сихъ поръ, сознательную силу духа старались замѣнить привычкою къ военному ремеслу и потому находили, что сроки меньшіе, чѣмъ 10-ти или 15-ти лѣтъніе, недостаточны для образованія хорошаго солдата. Но экономическія условія жизни государствъ заставляютъ отказаться отъ

(*) Первому, 72 года, 2-му — 52, 3-му — 60, а 4-му — 81; хотъ бы одинъ былъ помоложе!

(*) Исторія войны 1799 г., Милютинъ, 1-го изд. т. IV стр. 126—129.

этой рутины; значить, обойтись безъ сознанія невозможно, и слава Богу, потому что духъ въ состояніи дать въдесять разъ болѣе, чѣмъ десятилѣтняя привычка. Но сила духа тогда только дастъ хорошаго воина, когда ее будутъ воспитывать, когда нравственною стороною солдата будетъ заниматься постоянно. Необходимо овладѣть ею въ солдатѣ, чтобы сдѣлать ее несокрушимымъ орудіемъ противъ непріятеля и безвредною для мирныхъ жителей. А это возможно только, если и въ самомъ послѣднемъ солдатѣ чтить его человѣческое достоинство. Только хорошій человѣкъ можетъ быть хорошимъ воиномъ, честнымъ слугою отечеству и государю. Каждому солдату открыта дорога въ офицеры; можно ли давить въ немъ чувство, безъ котораго онъ будетъ послѣ никому не годенъ?

Обратимся же теперь къ организаціи войскъ.

Военное искусство, вырабатывая періодами то одно, то другое оружіе, необходимо должно имѣть вліяніе и на самый составъ войскъ, т. е. на соразмѣрность различнаго рода оружій и на тактическую ихъ организацію.

Послѣднія усовершенствованія ручного огнестрѣльнаго оружія положили начало новому періоду военнаго искусства, оставившему далеко позади себя періодъ войнъ Наполеона. Посмотримъ, чѣмъ они отразились на каждомъ изъ родовъ оружій.

Пѣхота, вслѣдствіе усовершенствованій, получила *штуцеръ*, который на 100 сажень можетъ дать въ обыкновенную мишень (сажень въ квадратъ) всѣ 100% своихъ выстрѣловъ, на 250 сажень—до 35%, а съ разстоянія 400-450 сажень, т. е. съ такого, при которомъ снарядъ изъ орудія отклоняется на 6-10 шаговъ въ сторону, даетъ все еще до 6%. Слѣдовательно, тутъ искусство превзошло даже физическую природу человѣка, потому что пуля летитъ далѣе той цѣли, которую глазъ въ состояніи съ ясностью видѣть. Какія же слѣдствія этого новаго оружія?

На разстояніи 250 сажень картечь дѣйствуетъ слабо, стрѣлки же, напротивъ, въ состояніи поражать цѣлою третью своихъ пуль; слѣдовательно, артиллеріи придется брать болѣшую дистанцію и рѣже дѣйствовать картечью.

Огонь цѣпей, опасный для артиллеріи, будетъ гибеленъ для сомкнутыхъ частей, для кучекъ, для начальниковъ. Разсыпной строй сдѣлается въ бою употребительнѣйшимъ, главнымъ строемъ; слѣдовательно выгода усовершенствованія будетъ на сторонѣ того, чьи люди развитѣе, способнѣе къ обученію, предпри-

имчивѣе и обладаютъ большею индивидуальною самостоятельностью: въ цѣпи каждый стрѣлокъ предоставленъ самому себѣ.

Милиціи, формируемыя на скоро, если будутъ снабжены штуцерами, приобрѣтутъ гораздо большее значеніе, чѣмъ донинѣ. Получивъ возможность поражать непріятеля издали, мало подвергаясь опасности, онѣ сдѣлаются въ *своемъ кругу* столь же храбры и предприимчивы, какъ регулярныя войска. Противника, вторгнувшагося въ предѣлы государства, будутъ ожидать гораздо большія опасности, большее число дѣйствующихъ враговъ, и гораздо большія потери. Это оружіе новаго изобрѣтенія благопріятствуетъ оборонѣ противъ атаки, благопріятствуетъ слабому противъ сильнаго, покровительствуетъ независимости, праву, миру и всѣмъ самымъ дорогимъ интересамъ націй, словомъ, несетъ съ собою все, что составляетъ принадлежность истиннаго прогресса.

Вооружить ли штуцерами отдѣльныя батальйоны, или отдѣльныя роты батальйоновъ, или же наконецъ всѣ пѣхотныя войска? Вотъ вопросы, рѣшаемые пока различно, но приведшіе уже къ тому результату, что во всѣхъ арміяхъ сформированы части легкой пѣхоты, отличающіяся отъ линейной не только однимъ названіемъ или одеждой, но и своимъ составомъ, обученіемъ и вооруженіемъ. Какъ именно, вслѣдствіе этого новаго элемента, должна будетъ измѣниться организація дивизій, бригадъ или полковъ, мы рѣшить не беремся; но, сознавая всю важность легкой пѣхоты, при обзорѣ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ мы будемъ обращать особенное вниманіе на соразмѣрность, въ какой она входитъ въ составъ прочихъ войскъ. Замѣтимъ также, что частое употребленіе разсыпного строя, гдѣ батальйону приходится дѣйствовать дробными частями, вѣроятно вызоветъ потребность въ большемъ числѣ ротъ въ батальйонѣ, чѣмъ то было донинѣ. Не на 250, но уже на 100, 120 человекъ нужны будутъ свои офицеры, свой командиръ.

Усовершенствованіе пѣхотнаго оружія ослабило нѣсколько дѣйствіе кавалеріи, по крайней мѣрѣ той, какая существовала донинѣ въ большей части европейскихъ государствъ.

Въ дѣйствіяхъ стратегическихъ она сохранила свое достоинство. Ей, попрежнему, открыта возможность поспѣвать на различные пункты ранѣе другого рода войска. Но въ дѣйствіяхъ тактическихъ, особенно въ самомъ бою, пѣхота приобрѣла надъ нею большое преимущество. Атака хорошо вооруженнаго пѣ-

хотнаго каре кавалерією, неспособною къ продолжительному напряженію силъ и къ самымъ стремительнымъ атакамъ, даже и при помощи конной артиллеріи, не представляетъ нынѣ никакой вѣроятности къ успѣху. Прежней быстроты для кавалеріи рѣшительно недостаточно. Приобрѣсть же способность къ длиннымъ атакамъ, шагавъ на 900, въ томъ числѣ около половины полнымъ карьеромъ, кавалерія можетъ не иначе, какъ послѣ многихъ преобразованій. Ей придется улучшить нѣкоторыя изъ породъ своихъ лошадей, которыя прежде могли быть терпимы. Ей необходимо облегчить всадника и лошадь, до послѣдняго золотника, что естественно потребуетъ увеличенія ея обозной части. Выѣзка лошадей должна быть измѣнена, чтобы у нихъ и переднія и заднія ноги были одинаково цѣлы. Продолжительныя и довольно-быстрыя походныя передвиженія должны быть ей привычны. Когда кавалерія, доведенная съ большими издержками и стараніями до требуемаго совершенства, ворвется наконецъ въ пѣхотное каре, то жаль будетъ, ежели пикъ и сабли ея окажутся негодными; необходима, значить, еще издержка на совершеннѣйшее холодное оружіе кавалеріи. Высказанныя нами замѣчанія относятся одинаково до всѣхъ европейскихъ кавалерій, за исключеніемъ развѣ одной англійской. Послѣдняя владѣетъ уже достаточной быстротой, и ей остается измѣнить только воспитаніе лошадей, чтобы онѣ не гибли походомъ, требовали бы меньшаго ухода, переносили бы лучше лишенія.

Изъ вышесказаннаго мы должны заключить, что качество кавалеріи должно быть значительно поднято, что она должна сдѣлаться еще болѣе дорогимъ родомъ оружія, чѣмъ донынѣ и, слѣдовательно, количество ея вѣроятно уменьшится. Къ тому же, употребленіе большихъ кавалерійскихъ массъ въ европейской войнѣ можетъ представиться весьма-рѣдко: населеніе Европы съ каждымъ годомъ густѣетъ, земля ея все болѣе обрабатывается, обстраивается; мѣстность дѣлается пересѣченнѣе, закрытѣе, т. е., удобнѣе для пѣхоты и менѣе выгодна для кавалеріи, слѣдовательно очевидно, что соразмѣрность кавалеріи къ пѣхотѣ уменьшится, и самые полки кавалерійскіе будутъ уже изъ меньшаго числа эскадроновъ, чѣмъ до послѣдней войны.

Артиллерія, штуцернымъ огнемъ, отодвинута нѣсколько назадъ; но нѣтъ сомнѣнія, что она быстро вернетъ прежнія свои преимущества. За ней и теперь остается перевѣсъ дѣйствія съ дальнихъ дистанцій, уничтоженіе матеріальныхъ преградъ, по-

раженіе картечью колоннъ, стремящихся въ атаку и вліяніе на нравственную сторону войскъ. Техника же артиллеріи, нѣсколькими годами ранѣе или позже, должна придать ей еще большія достоинства. Пушки изъ литой стали, нарѣзные орудія — вотъ одна сторона къ успѣху; коническія ядра, усовершенствованіе картечной гранаты, когорая обсыпала бы съ дальнихъ разстояній стрѣлковъ, спрятанныхъ за закрытіями, — вотъ другой путь вернуть ей свое превосходство. Можно разсчитывать также и на усовершенствованіе ракетъ и на приспособленіе мортиръ къ полевымъ дѣйствіямъ.

Ясно, однако, что при увеличеніи дальности дѣйствія малые калибры въ артиллеріи должны быть постепенно вытѣснены большими, и самая подвижность батарей должна быть увеличена. Слѣдовательно, и въ организаціи значительныхъ частей артиллеріи, число батарей большихъ калибровъ должно взять рѣшительный перевѣсъ надъ батареями легкими, при чемъ, на время переходнаго состоянія, соразмѣрность артиллеріи къ пѣхотѣ и къ кавалеріи не должна превышать двухъ орудій на батальонъ или на кавалерійскій полкъ.

Инженерное дѣло способствуетъ защитѣ, и какъ нарѣзное оружіе подняло оборону, такъ возвысило и инженерное искусство. Оно выросло, конечно, не крѣпостями и дорогими каменными стѣнами: Севастополь доказалъ, что и изъ земли, въ минуту самой опасности, могутъ возвышаться сильнѣйшія преграды; нѣтъ, оно пріобрѣтаетъ значеніе ровиками, ямами, небольшими насыпями, когорыя будутъ сопровождать всегда оборону, прикрывая артиллерію и стрѣлковъ отъ непріятельскаго огня, доставляя имъ удобство для дѣйствій. Поэтому-то, если, какъ особый родъ оружія, инженеры и саперы не увеличатся въ соразмѣрности съ прочими войсками, то собственно ихъ искусство необходимо разовьется въ цѣломъ составѣ войскъ и солдаты будутъ обучать точно такъ же ловко владѣть своимъ шанцевымъ инструментомъ, какъ своимъ ружьемъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что огненный сила еще болѣе должна уступить смыслу, искусству; въ этомъ заключается успѣхъ не только военнаго дѣла, но и всего человѣчества. Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія отразилось на всемъ нашемъ ремеслѣ, увеличило и безъ того большія издержки на содержаніе войскъ, сдѣлало войну вдвое, втрое дороже, чѣмъ прежде, соединило ее съ гораздо-большими пожертвованіями, слѣдова-

тельно заставило еще болѣе дорожить миромъ. Съ этой стороны будемъ смотрѣть спокойно на всѣ изобрѣтенія, которыми люди стремятся уничтожать другъ друга. Вотъ гдѣ видна рука Провидѣнія, гдѣ зло обращается въ благо.

Замѣтимъ, что въ настоящее время самыя приготовленія къ войнѣ уже такъ дороги, требуютъ такихъ расходовъ на снаряженіе войскъ и устройство матеріальной части, что почти равняются пожертвованіямъ самой войны, и разница только въ томъ, что нѣтъ еще убили людей отъ сраженій. Вотъ любопытный фактъ, который приводитъ Мишель Шевалье. Въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ отношенія между Франціей и Англіей сдѣлались сомнительны (*). Оба государства стали вооружаться, и что же вышло?—Франція, имѣвшая меньше средствъ, чѣмъ Англія, обременяла себя гораздо болѣе; съ 1840 по 1846 годъ она расходовала ежегодно отъ 515 до 575 милліоновъ франковъ. Война, которая не производилась открыто, обходилась на 120 или 160 милліоновъ франковъ дороже Французамъ, чѣмъ ихъ противникамъ. Такимъ образомъ, въ восемь лѣтъ, съ 1839 по 1846 годъ, Франція обдѣлала на 1,202 милліона, сравнительно съ Англіей; расходы ея достигли именно тѣхъ размѣровъ, какіе нужны были Наполеону въ 1811 году (**).

Опредѣливъ военныя условія для силъ сухопутныхъ, мы должны бы были рассмотретьъ подобныя условія и для флота. Но наши сужденія объ этомъ дѣлѣ, вѣроятно, были бы слишкомъ поверхностны и мы лучше предоставимъ ихъ специалистамъ.

Общій видъ или составъ различныхъ военныхъ системъ.

Соображеніями экономическими и военными, мы пришли къ тому заключенію, что основаніе могущества государства лежитъ въ народѣ; что слѣдовательно и военная сила государства зависитъ болѣе отъ силы народа вообще, чѣмъ отъ силы его армій и флотовъ, и, наконецъ, что система вооруженія каждаго государства должна основываться на совокупности силъ дѣйствующихъ

(*) По вопросамъ: мароккскому, объ островахъ Таити и о правѣ осмотра кораблей.

(**) *Annuaire d'Economie politique*, 1849, стр. 342—346.

(actives), содержимыхъ постоянно на службѣ, и — недѣйствующихъ (passives) т. е., не содержимыхъ въ мирное время.

Смотря по тому, какое начало, политическое, историческое, экономическое или чисто военное преобладаетъ въ военной системѣ государства, она выражается соединеніемъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, слѣдующихъ учреждений: постоянной арміи, резервовъ и ландверовъ, милицій или ополченій и наконецъ поселенныхъ войскъ. Опредѣлимъ значеніе этихъ учреждений и взаимное ихъ соотношеніе.

Постоянная армія составляетъ зерно военной силы и въ настоящее время въ большей части государствъ получаетъ преимущественно значеніе *кадра*, сквозь который проходитъ мужающее населеніе страны. Нѣтъ сомнѣнія, что съ постепеннымъ развитіемъ народовъ постоянныя арміи должны уменьшаться; увеличиваться же будутъ пассивныя силы государствъ. — Но этой выгодой, даже и при одинаковомъ умственномъ состояніи народовъ, въ большей степени будутъ пользоваться тѣ государства, коихъ владѣнія ограничениѣ; при обширныхъ же владѣніяхъ сроки, сравнительно, должны быть нѣсколько большіе, чтобы вознаградить время, употребляемое рекрутами на перемѣщеніе ихъ къ мѣсту служенія, которое можетъ быть иногда отдалено отъ мѣста набора.

Резервъ и ландверы служатъ существеннѣйшимъ дополненіемъ постоянной арміи. Принимая въ себя людей уже отслужившихъ часть службы въ арміи, или такихъ, которые должны бы были въ нее поступать, но уволены отъ этого по особымъ обстоятельствамъ, они въ мирное время находятся обыкновенно въ отпуску, сохраняя только небольшіе постоянные кадры, къ которымъ собираются въ извѣстное время для строевыхъ занятій. Въ случаѣ войны изъ нихъ формируются особыя части войскъ, или же только пополняются войска дѣйствующія. Выгоднѣе всего, чтобъ ихъ организація соотвѣтствовала организаціи постоянной арміи; тогда, съ переходомъ на военное положеніе, они могутъ имѣть совершенно одинаковое съ нею назначеніе и государство найдетъ въ нихъ прочную основу для продолжительныхъ военныхъ дѣйствій. Резервы, а частью и ландверы, подобно постоянной арміи, могутъ одинаково употребляться какъ для дѣйствій внутри, такъ и внѣ государства. Мы ознакомимся съ ними при разборѣ военныхъ силъ Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи.

Милиціи и ополченія представляютъ то, что называется вооруженнымъ населеніемъ и употребляются обыкновенно только внутри государства, когда оно подвергается рѣшительной опасности. Чѣмъ народъ развитѣе, тѣмъ больше значенія можетъ имѣть его милиція, соперничествуя достоинствами своими съ регулярнымъ, постояннымъ войскомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, она служитъ даже главнымъ основаніемъ для обезпеченія внѣшней безопасности; въ такомъ случаѣ, подобно англійской, она должна имѣть постоянную организацію и кадры, для обученія прибывающихъ людей. — Кромѣ извѣстныхъ примѣровъ изъ исторіи европейскихъ государствъ, которыми мы могли бы подтвердить важность милиціи въ войнѣ оборонительной, мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи президента Полька о милиціи Соединенныхъ Штатовъ, въ доказательство возможности употребленія ея даже въ войнѣ наступательной. Рѣчь эта есть часть отчета, представленнаго Союзному конгрессу въ декабрѣ 1848 г., послѣ войны съ Мехикой.

«Однимъ изъ весьма важныхъ результатовъ войны, которую мы вели съ сосѣднимъ государствомъ, было то, что она обнаружила военную силу нашей страны. До войны съ Мехикой, иностранныя державы имѣли лишь весьма неполное и неточное понятіе о физической силѣ нашего народа и его средствахъ вести войну, въ особенности внѣ предѣловъ отечества. Онѣ видѣли, что мы содержимъ въ мирное время не болѣе 10,000 войскъ; будучи же сами приучены къ большимъ регулярнымъ арміямъ, онѣ не считали возможнымъ, чтобъ нація съ успѣхомъ вела войну, безъ подобной дисциплинированной арміи, образуемой продолжительными сроками. Они пренебрегали нашей милиціей, далеко не считая ее за силу дѣйствительную. Событія послѣдней войны опровергли эти мнѣнія. Она доказала, что безъ всякихъ приготовленій, въ минуту внезапно открывающихся непріязненныхъ дѣйствій, мы можемъ выставить, въ кратчайшій срокъ, армію волонтеровъ, изъ солдатъ—гражданъ, не уступающую достоинствами старымъ войскамъ и достаточно многочисленную, чтобъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ войны. Совершенно противно тому, что было бы, въ подобномъ случаѣ, во всякой другой странѣ, мы не должны были прибѣгать ни къ какимъ жребіямъ или конскрипціямъ. Далекое нѣтъ; число волонтеровъ, съ патриотизмомъ предлагавшихъ свои услуги, было такъ велико, что

«главное затрудненіе состояло въ томъ, какъ выбрагъ и рѣшить, кому вернуться въ свое жилище.

«Наши солдаты-граждане совершенно не таковы, какъ набираемые изъ населенія другихъ странъ. Въ ихъ рядахъ встрѣтите всѣ званія, всѣ ремесла: фермеровъ, адвокатовъ, докторовъ, купцовъ, мастеровыхъ, рабочихъ, какъ между офицерами, такъ и между простыми солдатами. Они явились вооруженными и приученными съ юности владѣть своимъ оружіемъ; многіе изъ нихъ, въ особенности же изъ западныхъ штатовъ, искусные стрѣлки. Это люди, которые стараются поддерживать свою репутацію хорошимъ поведеніемъ въ войскахъ. Они разумны и обладаютъ такою индивидуальностью, какой не найти въ рядахъ другой арміи. Въ дѣлѣ, каждый солдатъ, какъ и каждый офицеръ, дерется для своей страны и вмѣстѣ съ тѣмъ для славы и отличій, которыми его почтили бы граждане, когда онъ вернется къ своей частной жизни (*)». Положимъ, что Американецъ здѣсь немного прихватулъ, но есть же тутъ и доля правды.

Поселенныя войска. При сосѣдствѣ государства съ народами необразованными, не получившими еще правильнаго устройства, или мало подчиняющимися власти своихъ правительствъ, — дѣйствующихъ войскъ для внѣшней безопасности бываетъ недостаточно; въ этомъ случаѣ границы обезпечиваются только тогда, какъ военная сила присутствуетъ постоянно, и при томъ въ ровной мѣрѣ, по всему ихъ протяженію. Здѣсь достоиніе и трудъ гражданъ приходится охранять отъ ничтожныхъ хищничествъ, отъ разорительныхъ набѣговъ. При такомъ условіи, — дѣйствующія войска могутъ только служить для наказанія хищниковъ, а не имѣютъ возможности поспѣвать всегда во время, чтобы оградить населеніе отъ самого хищничества. Является, значитъ, необходимость развить вооруженную силу въ самомъ населеніи пограничной полосы. Для этого ему даютъ правильное военное устройство, и обязываютъ военною службою все подрастающее мужское населеніе, или же на границу переселяютъ людей, уже служившихъ въ войскѣ и изъявившихъ желаніе пользоваться землей, не смотря на предстоящія опасности. Такимъ образомъ, на границѣ образуется осѣдлая военная сила,

(*) Dictionnaire de l'écon. politique, стр. 82.

обеспечивающая край отъ непріятеля безъ пособія регулярной арміи, за исключеніемъ, конечно, особыхъ случаевъ.

Но кромѣ этого частнаго явленія поселенныхъ войскъ, исторія представляетъ намъ примѣры существованія ихъ не только въ видѣ учрежденія мѣстнаго, а общаго, примѣннаго ко всему государственному устройству страны. Причины, которыя производили подобное явленіе, были всегда однѣ и тѣ же, именно желаніе не отнимать рукъ отъ обработки земли, не затруднять военною службою гражданственнаго развитія народа и, не тратя огромныхъ суммъ на содержаніе войскъ въ мирное время, имѣть, на случай надобности, достаточныя вооруженныя силы. На этомъ основаніи каждый солдатъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣлецъ. Но непрерывныя войны двухъ послѣднихъ вѣковъ, заставившія почти постоянно держать войска въ сборѣ, и развитіе военнаго искусства, потребовавшее спеціальнаго образованія отъ нѣкоторыхъ родовъ оружія, вынудили почти всѣ государства отказаться отъ этой системы. Поселенныя войска смѣнялись постепенно постоянными арміями, и въ настоящее время, если еще и сохранились въ Швеціи, то по особымъ благопріятнымъ для того обстоятельствамъ.

Передавая читателямъ главныя основанія для вооруженной силы и ея устройства, мы не мечтали о глубинѣ изслѣдованія; мы желали только дать истинную современную точку воззрѣнія на войско. Мы хотѣли устранить кривыя о немъ толкованія, объяснить, по возможности ближе, его истинное значеніе и указать, какимъ путемъ оно можетъ скорѣй всего быть достигнуто. Высокое достоинство войскъ даетъ государству возможность уменьшать ихъ число, сберегать средства, необходимыя для развитія народнаго. Достоинство же войскъ вполне зависитъ отъ насъ. Вотъ, значить, цѣль, къ которой должны стремиться всѣ наши старанія, вся наша дѣятельность. Въ этомъ стремленіи заключается и самый долгъ нашъ. Кто его исполнить, тому государство будетъ вдвойнѣ благодарно.

Н. ОБРУЧЕВЪ.
